

МИХАИЛ МЯГКОВ,
Университет Орегона, Юджин (Орегон)

ПИТЕР К.ОРДЕШУК,
Калифорнийский технологический институт,
Пасадена (Калифорния)

ДМИТРИЙ ШАКИН,
Институт открытой экономики, Москва

Фальсификации или домыслы: опыт выборов в России и в Украине¹

Abstract

Beginning with the first round of Russia's 1996 presidential election, through the December 26th third round of Ukraine's presidential contest, this essay examines the fingerprints of fraud found in election returns aggregated up to the level of Russia's 2500+ and Ukraine's 225 rayons. Our objective is to develop methodologies for detecting and measuring fraud that do not rely on eyewitness accounts of electoral irregularities, but which instead can be detected in official data. The evidence we offer as establishing a 'crime' is necessarily circumstantial, but we are reminded that those who 'facilitated' Putin's 2004 reelection also helped orchestrate the campaign of the Kremlin's choice of successor to a retiring President Kuchma. If crimes are often solved with reference to a culprit's modus operandi, then the things we label fingerprints of fraud ought to exist in the official data of both countries. And indeed they do — especially when we compare Putin's success in 2004 with the patterns of voting that emerged subsequently to favor Viktor Yanukovich in Ukraine. Our secondary objective is to measure the extent of electoral fraud, and here we conclude that Putin's success at avoiding a second round vote against his communist challenger in 2004 was aided and abetted by upwards of 14.5 million falsified ballots and that between 1.5 and 3.5 million suspicious votes account for Yanukovich's ill-fated November 21st "victory".

¹ Исследование проведено благодаря гранту, предоставленному NCEEER Калифорнийскому технологическому институту.

Резонанс, вызванный почти единодушным убеждением в нелегитимности из-за массовых фальсификаций второго тура президентских выборов в Украине 21 ноября 2004 года, дает основания задуматься, содержатся ли в официальных результатах выборов свидетельства подтасовок. Следует ли полагаться на наблюдателей, честность которых легко поставить под сомнение, обвинив в политической заангажированности, и которым, возможно, просто не удалось отследить нарушения с обеих сторон, или же есть более объективные указания на фальсификацию результатов выборов? Не оставила ли фальсификация в официальных итогах такие “отпечатки пальцев”, которые дают менее политически уязвимую почву для измерения ее масштабов и выявления конкретных нарушителей?

Нашему поиску ответов на эти вопросы способствует самоочевидность некоторых случаев фальсификации, например, при подсчете голосов на выборах в 2000 и 2004 годах в таких республиках Российской Федерации, как Татарстан, Дагестан и Башкортостан, в силу чего их официальные результаты мы можем использовать для уточнения наших методов выявления фальсификаций вообще. Определив на основе общих моделей “нормального поведения” конкретные схемы, которые, как мы предполагаем, иллюстрируют “избирательные аномалии”, можно рассмотреть ситуации, где такие схемы наиболее выразительны. Если мы обнаружим, что они постоянно проявляются там, где есть конкретные доказательства подтасовок, и, наоборот, отсутствуют или слабо выражены там, где есть основания считать голосование прошедшим более-менее нормально, то такой подход можно будет использовать для выявления и измерения избирательных аномалий в других местах. Мы помним и о том, что те же люди, которые в 2004 году “помогли” повторному воцарению Путина, дирижировали также злополучной кампанией по замещению оставляющего свой пост Президента Л.Кучмы фаворитом Кремля Виктором Януковичем. Поскольку преступления часто раскрывают на основе доказательств, связанных с “почерком” преступника, то одинаковые “отпечатки пальцев” фальсификаторов должны обнаружиться в обеих странах. Если мы обнаружим совпадающие отпечатки, можно будет не просто быть более уверенными в том, что они свидетельствуют именно о фальсификации, а не о чем-то более невинном. Мы получим также основания использовать их для оценки масштабов фальсификации и ответа на вопрос, были ли выборы сфальсифицированы ради увеличения реально существовавшего разрыва между победителем и проигравшим или же изменился результат выборов вообще.

Поскольку официальные материалы содержат в лучшем случае косвенные улики, очень важно выявить как можно больше отпечатков. Такие свидетельства, по мере их накопления, не обязательно должны привести нас к заранее заполненным или “утерянным” урнам для голосования, к людям, проголосовавшим несколько раз, или “исправленным” результатам подсчета голосов. В частности, неожиданно высокие показатели явки, даже если от этого выигрывает конкретный кандидат, могут быть достигнуты иными способами, например усилиями регионального руководителя, который контролирует средства массовой информации и распространяемой ими ложью о последствиях прихода к власти того или иного кандидата отпугивает людей от выбора, который они сделали бы в противном случае. Даже в странах со стойкой демократией люди, определяя, за кого голосовать, пользуются разнообразными подсказками, и можно предположить, что в странах с не-

развитой гражданской культурой избиратели будут весьма полагаться на указания региональных или местных элит, которые могут на законных основаниях утверждать, что их способность добиться благоприятного для центральной власти (например, Кремля) результата принесет пользу не только им самим, но и всем избирателям. Действительно, в условиях путинской “управляемой демократии” избиратели могли сознательно позволить местным лидерам решать, как они должны голосовать. Актуальность подобных мотивов советской эпохи и для сегодняшней России очевидна [4; 7; 8; 9; 17]. Однако ответ на вопрос, относить ли подобный характер выборов на счет какого-нибудь нейтрального процесса, который, хоть и проявляется в крайней форме в такой авторитарной стране, как Россия, может быть присущ любой сложившейся демократической партийной системе [6], или же следует говорить скорее о вопиющей узурпации демократического процесса, — ответ этот будет зависеть от общей картины, образуемой совокупностью следов. Как и в любом уголовном расследовании, построенном на косвенных уликах, для вынесения обвинительного приговора необходимо выявить в свидетельствах устойчивую схему.

Изучение следов фальсификации и в России, и в Украине позволит нам также проанализировать некоторые отголоски выборов в Украине. Если мы используем оба государства для калибровки наших методов, мы вправе поставить вопрос, в каком из них фальсификация была более распространенным явлением. Реагировал ли Запад на события в Украине потому, что там фальсификация выборов была более вызывающей, или же из чисто политических соображений игнорировал столь же грубые нарушения демократического процесса в России? Можно ли утверждать, что фальсификацию выборов-2004 в России просто проигнорировали из-за объявления войны с терроризмом, отсутствия приемлемой альтернативы Путину, мирового спроса на нефть и желания политиков Парижа и Берлина создать альянс ЕС–Россия в качестве противовеса гегемонии США? А может быть, вне зависимости от масштабов фальсификации, страны Запада просто воспользовались словесными заявлениями о фальсификации выборов в Украине, чтобы заблокировать попытку Кремля взять реванш и заново отстроить свою империю?

Параграф 1 начинается с обзора некоторых аномалий в истории выборов в России в 1996–2004 годах на основе официальных отчетов вплоть до районного уровня. В перечень входят любопытные скачки голосов между турами переизбрания Ельцина в 1996 году, “неправильное”, на первый взгляд, соотношение между количеством голосов, отданных за Путина в 2000-м и 2004 годах, и постоянное возрастание количества избирательных участков, рапортующих о явке, превышающей 90%. В параграфе 2 высказывается мысль, что схема распределения явки по районам, которая сохраняется в республиках РФ на протяжении всего постсоветского периода, согласуется с гипотезой о том, что в этих регионах данный показатель постоянно искусственно завышается. Более того, во время переизбрания Путина в 2004 году это явление не просто проявилось еще ярче, но и наблюдалось в этнически неоднородных областях. В параграфе 3 рассматривается соотношение между явкой и голосами в поддержку кандидата, и делается вывод о том, что в 2004 году показатели явки избирателей во многих регионах играли на руку исключительно Путину. В параграфе 4 мы оцениваем динамику перераспределения голосов между кандидатами и партиями с 1999-го по 2004 год и предполагаем, что Путин не только собрал в 2004 году голоса тех,

кто в 2000 году голосовал за Явлинского, Жириновского и Зюганова, но и получил в период с 2003-го по 2004 год неординарное количество голосов избирателей “Единой России” (114%) и, что не вписывается в схему всех предыдущих выборов, необычную долю голосов тех, кто не смог проголосовать в 2003 году. Параграф 5 посвящен недавним спорным украинским выборам и показывает, что схемы, аналогичные описанным для России, работали и здесь, на этот раз в пользу кремлевского кандидата Виктора Януковича. Если взглянуть на оценки перераспределения голосов между туррами, можно сделать вывод, что хотя у оппонента Януковича, может быть, и не совсем чисты руки, количество голосов, “приписанных” к общему числу голосов за Януковича превышает приписки к голосам за Виктора Ющенко в четыре раза. Поскольку те, кто “помогал” кампании Януковича, работали в 2004 году на Путина и поскольку специфические схемы, наблюдаемые в Украине, совпадают с российскими, мы делаем вывод, что количество голосов в пользу обоих кандидатов было искусственно увеличено схожим образом. Наконец, в параграфе 6 анализируется “третий” тур выборов в Украине 26 декабря. Принимая в качестве рабочей гипотезу о том, что на этот раз фальсификации были менее распространены, мы проверяем достоверность наших предположений и подтверждаем наши оценки масштабов фальсификации, совершенной в 2004 году как в России, так и в Украине.

1. Подозрительные аномалии российских выборов

Советский Союз представляет собой пример политической системы, способной обеспечивать чрезвычайно высокие показатели явки, обычно свыше 90%. Однако не следует забывать, что в этом случае речь не идет о системе, где бы особое внимание уделялось соблюдению стандартов свободных выборов. С другой стороны, в демократических странах показатели явки могут сильно варьировать от выборов к выборам и от округа к округу. И хотя во время одних выборов средние показатели могут быть высокими, а во время других, наоборот, низкими, если явка в целом относительно стабильная, то соотношение избирательных участков, графств, районов и прочих административных единиц, рапортующих о рекордно высоких либо низких показателях явки, будет относительно стабильным. В России это не так. В таблице 1 приведены показатели явки и количество районов с явкой более 90% для всех рассматриваемых выборов¹. Как и ожидалось, учитывая недееспособность Государственной Думы и тот факт, что парламентские выборы — не более чем “праймериз” для последующей президентской гонки [16], самая большая явка наблюдается именно на президентских выборах. Однако, несмотря на относительное постоянство показателей общей явки, количество округов с показателями явки избирателей в духе советских времен к выборам 2003 года значительно возросло, а в 2004 году увеличилось буквально взрывообразно. Действительно, несмотря на снижение явки в 2004 году на два пункта по сравнению с 2000 годом, количество районов, собиравших о более чем 90-процентной явке, увеличилось почти на 300%. Бо-

¹ Выборы Президента России 1996 (1-й и 2-й туры), 2000 и 2004 годов; выборы в Государственную Думу РФ 1999 и 2003 годов; выборы Президента Украины 2004 года (1-й, 2-й и повторный 2-й туры).

лее того, обратите внимание на приведенные в таблице 1 данные о количестве округов, в которых Ельцин или, соответственно, Путин победили с *подавляющим большинством* голосов (в отличие от простого преимущества в голосах). Настоящее “чудо” российских выборов заключается не просто в резком увеличении количества районов с исключительно высокой явкой избирателей на фоне угасания остроты конкуренции, а в том, что кто-то вообще решил голосовать (если, конечно, действительно существовали избиратели, которые имеются в виду в этих докладах о явке).

Таблица 1

**Сопоставление динамики совокупной явки на выборах
Президента России и в Государственную Думу с количеством районов
с явкой более 90% и подавляющим большинством голосов в пользу
победившего кандидата**

Параметры	1996-1	1999	2000	2003	2004
Явка	71,8%	64,2%	71,3%	60,3%	69%
Количество районов с явкой более 90%	37	56	83	84	251
Количество районов с подавляющим большинством голосов в пользу победившего кандидата:					
50–70%	29	–	264	–	655
70–80%	2	–	61	–	81
80–90%	0	–	25	–	87
90–100%	0	–	6	–	120

На этом странности не заканчиваются. Рассмотрим движение голосов между турами в 1996 году. Вкратце, переток голосов от Ельцина к Зюганову имел место в 756 районах, в то время как число районов со смещением в пользу Ельцина оказалось вдвое большим. Однако наше внимание привлекает отнюдь не перекокс в этом распределении, а размах некоторых из этих сдвигов. Он вызывает сомнения, особенно если учесть, что наиболее невероятные сдвиги сосредоточены в трех регионах, которые отнюдь не могут гордиться прозрачностью “демократических” процессов — Татарстане, Башкортостане и Дагестане. Как видно из таблицы 2, в шести районах, где произошли самые значительные сдвиги, имена кандидатов в президенты между турами как будто поменяли местами. В первом из рассматриваемых районов Ельцин сначала набрал 2064 голоса против 7461 у Зюганова, а во втором туре, при возрастании числа избирателей приблизительно на 1000 человек, за Ельцина проголосовало уже 8512, а за Зюганова — всего 2050. Даже если все голоса, отданные в первом туре за выбывших кандидатов, были во втором туре отданы за Ельцина, 5411 человек, поддержавших в первом туре Зюганова ($8512 - 2064 - 1037 = 5411$), или же 73% тех, кто ранее за него голосовал (указано в скобках), перешли на сторону Ельцина. Из таблицы 2 видно, что такие же объяснения нужны и относительно регионов, где произошла смена лидера.

Таблица 2

Динамика распределения голосов в регионах с наибольшим сдвигом в поддержке кандидатов между двумя турами выборов Президента России, 1996 год

Имена кандидатов	1-й тур	2-й тур	Увеличение во 2-м туре общего количества отданных голосов	Минимальное количество избирателей, изменивших свое мнение	Регион
Ельцин Зюганов	2064 7461	8512 2050	1037	5411 (73%)	Татарстан
Ельцин Зюганов	7436 10841	21777 1428	4928	9413 (87%)	Татарстан
Ельцин Зюганов	5342 25067	23350 12284	5225	12783 (51%)	Дагестан
Ельцин Зюганов	2792 10546	10287 4452	1401	6094 (58%)	Татарстан
Ельцин Зюганов	1237 17976	11237 9779	1803	8197 (46%)	Дагестан
Ельцин Зюганов	8827 18039	22550 6487	2171	11552 (64%)	Татарстан

Мы предлагаем четыре возможных объяснения таких сдвигов: 1) зависимость от посторонних альтернатив (то есть когда в списке присутствуют Лебедь и Жириновский, люди голосуют за Зюганова, а когда эти кандидаты выбывают, избиратели предпочитают Ельцина); 2) в период между турами избиратели “прозрели” благодаря неким чертам избирательной кампании Ельцина, ускользнувшим от внимания всех наблюдателей; 3) электорат покорно голосует так, как подсказывают региональные боссы, которые в промежутке между турами сменили лояльность; и, наконец, 4) массовая фальсификация или манипуляция. Объяснения 1 и 2 просто нелепы, третье действительно может объяснить многие из сдвигов, а объяснение номер 4 кажется наиболее резонным.

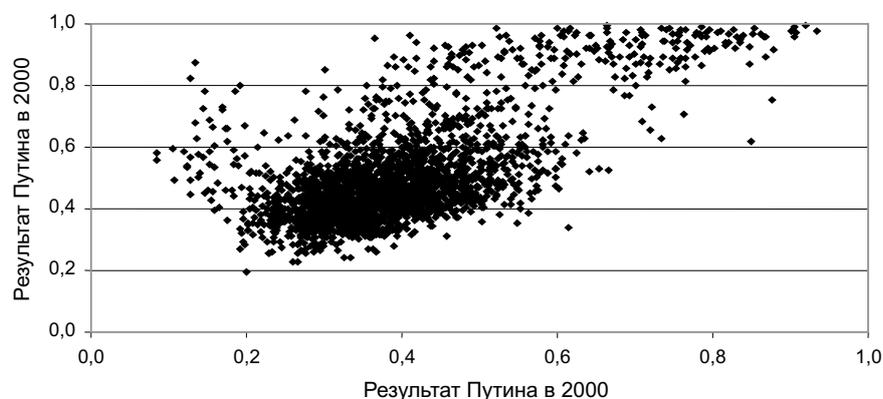

Рис. 1. Сравнение результатов Путина на президентских выборах 2000 и 2004 годов, Россия

Конечно, события 1996 года могут кому-то показаться “преданиями старины глубокой”. Поэтому посмотрим на рисунок 1, на котором сравниваются голосования за Путина в 2000 и 2004 годах, и увидим более современную аномалию. Нормальным явлением была бы высокая корреляция, и тогда данные были бы сосредоточены вокруг диагонали или, если популярность кандидата выросла (что якобы произошло в случае с Путиным), вокруг положительной прямой выше диагонали. В случае с Россией эти ожидания опять-таки не оправдываются¹. Хотя для “густого облака” районов данные соответствуют этим ожиданиям, фактически нет никакой взаимосвязи между голосами, отданными за Путина в 2000 и 2004 годах, там, где его результат в 2004 году превышает 80%. Другими словами, если мы знаем, что в 2004 году в некотором районе Путин набрал от 85% до 95%, то это нам ничего не скажет о том, сколько голосов он набрал здесь в 2000 году. В то же время, если в каком-нибудь районе в 2000 году Путин набрал очень мало голосов (менее 20%), мы никак не можем предугадать его результат в 2004 году. Конечно, нужно учитывать, что отсутствие влиятельных партий негативно сказывается на стабильности электората, но все равно складывается впечатление, что выборы 2000 и 2004 годов в изрядном количестве районов происходили в разных странах.

2. Распределение явки избирателей

Рассмотренные выше странности хоть и свидетельствуют о том, что российские выборы не отвечают нашим представлениям о выборах в демократическом государстве, тем не менее не доказывают наличия широкомасштабной фальсификации. Однако существуют и другие следы, и мы находим их именно тогда и именно там, когда и где ожидали. Рассмотрим распределение явки по районам. Если действует хоть какое-то подобие закона больших чисел, это распределение должно быть приблизительно нормальным, с более высокой или более низкой явкой в некоторых районах, но с сосредоточением основной массы полученных показателей явки вблизи определенного среднего значения. Как видно на рисунках 2а и 2б, это ожидание оправдывается в этнически неоднородных областях в обоих турах президентских выборов 1996 года, на выборах Президента 2000 года и на выборах в Государственную Думу 1999 и 2003 годов. Теперь предположим существование определенной совокупности районов, не затронутых фальсификацией, но при этом (как можно предполагать, по крайней мере, для ряда республик) во второй совокупности районов подбрасывание бюллетеней или разрешение людям голосовать больше одного раза увеличивает показатели явки. Отметим в качестве примера, что в число шести регионов, сообщивших в 1999 году о более чем 73%-й явке избирателей, входят Дагестан (2-е место), Мордовия (3-е), Татарстан (4-е) и Башкортостан (6-е). В этой второй совокупности также может наблюдаться нормальное распределение явки по районам, но с большим средним значением, зависящим от масштабов фальсификации. Таким образом, если нам удастся выделить эти две совокупности и просто сложить их распределения, мы должны получить

¹ Реально общее соотношение составляет $\%V_{\text{Путин } 2004} = 0,859 \times \%V_{\text{Путин } 2000} + 0,161$, но при сравнительно низком R^2 , равном 0,44.

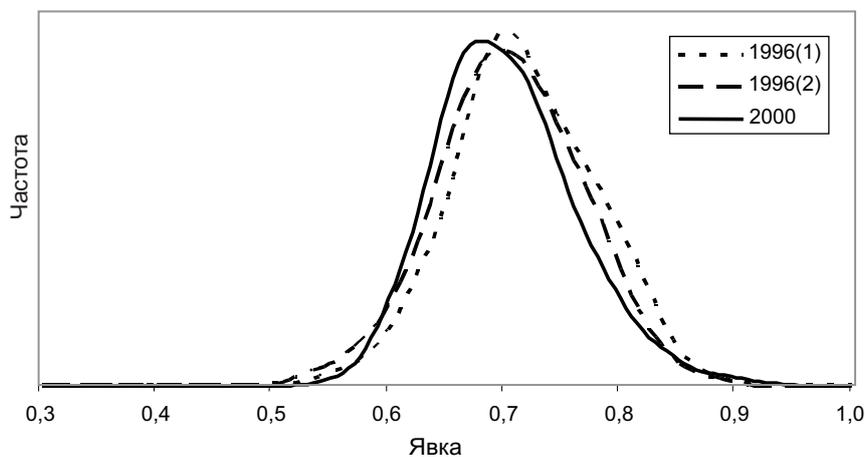

Рис. 2а. Распределение явки по областям на президентских выборах, Россия, 1996, 2000

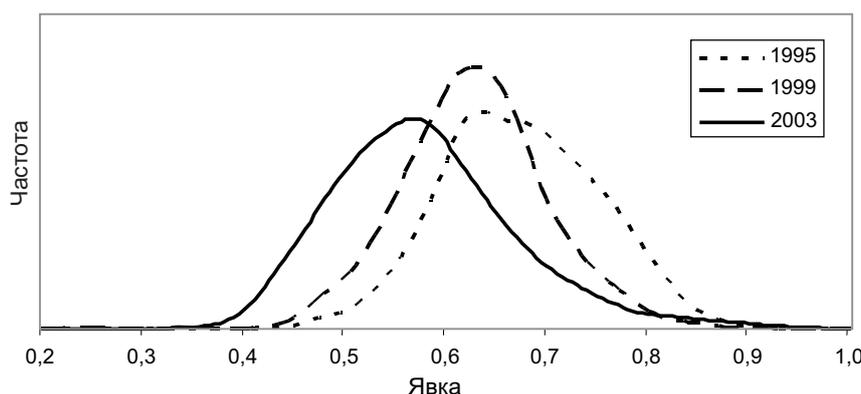

Рис. 2б. Распределение явки по областям на выборах в Госдуму, Россия, 1995, 1999, 2003

мультимодальную густоту или густоту со слишком “толстым” или удлиненным “хвостом”. И, как следует из рисунков 3а и 3б, именно такую картину мы наблюдаем в этнических республиках Российской Федерации с 1996 по 2003 год.

Данные на рисунках 3а и 3б согласуются с двумя совместимыми гипотезами. Первая гласит, что в значительном количестве республик голосование было некоторым образом “искусственно доработано”. Вторая и требующая несколько более тонкого доказательства гипотеза состоит в том, что эта доработка значительно ужесточилась в периоды с 1996-го по 2000-й и с 1995-го по 2003 год (обратите внимание на все возрастающий правый “хвост” на рисунках 3а и 3б). Теперь рассмотрим победу Путина в 2004 году. Мнения большинства наблюдателей в контексте этих и предыдущих выборов сходятся на том, что весомая доля фальсификаций бюллетеней и административного давления в пользу определенного кандидата или партии не обязательно является продуктом некоей директивы из центра (Кремля), а может

быть результатом соревнования местных и региональных элит за наибольший вклад в обеспечение желанного для центра результата [9; 17]. Таким образом, поскольку особых сомнений в исходе выборов не было, можно предположить, что в 2004 году эти мотивы были особенно сильны. Это подтверждает и рисунок 4, на котором изображен график распределения явки по областям и республикам и, для сравнения, соответствующие распределения для выборов 2000 года. Хотя в целом явка по районам областей была меньше, слишком большой правый “хвост” на графике наводит на мысль о возможности искусственно завышенной явки по крайней мере в некоторых избирательных округах. Более драматично выглядит искажение распределения применительно к республикам. На выборах 2004 года с показателями явки, не дотянувшими до цифр 1996 и 2000 годов, появляется совокупность республиканских районов с выдающимся проявлением “гражданского сознания”.

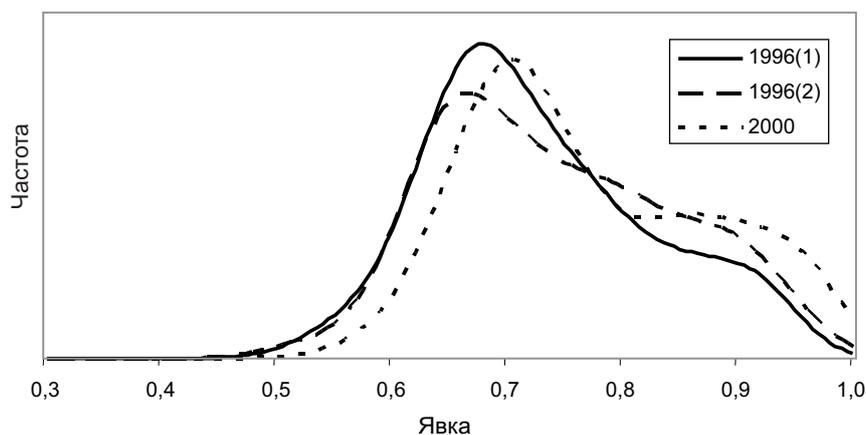

Рис. 3а. Распределение явки по республикам на президентских выборах, Россия, 1996, 2000

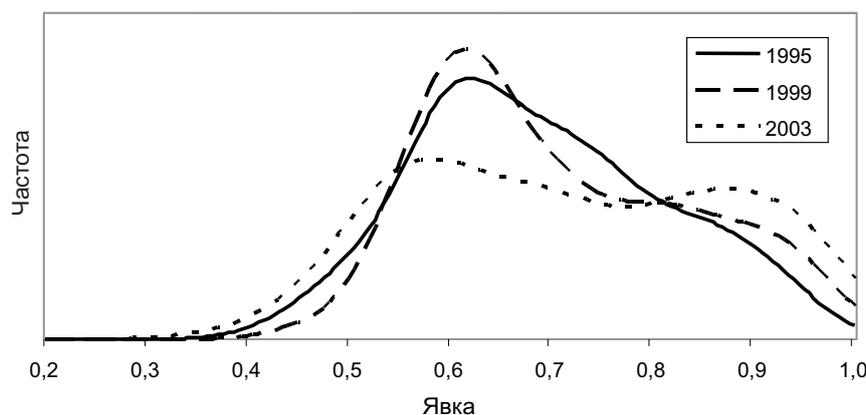

Рис. 3б. Распределение явки по республикам на выборах в Госдуму, Россия, 1995, 1999, 2003

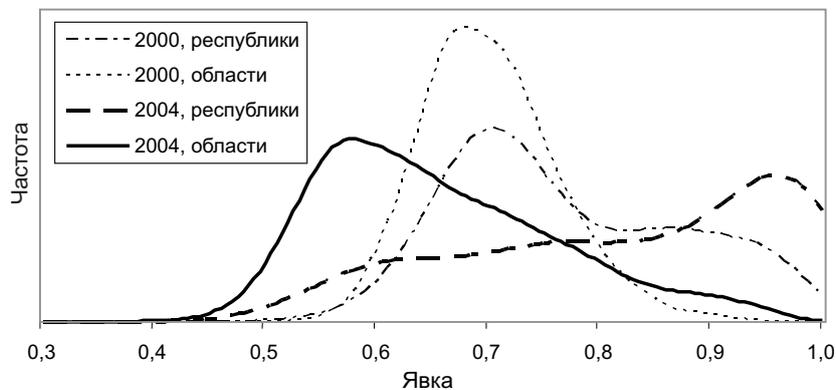

Рис. 4. Распределение явки по республикам и областям на президентских выборах, Россия, 2000, 2004

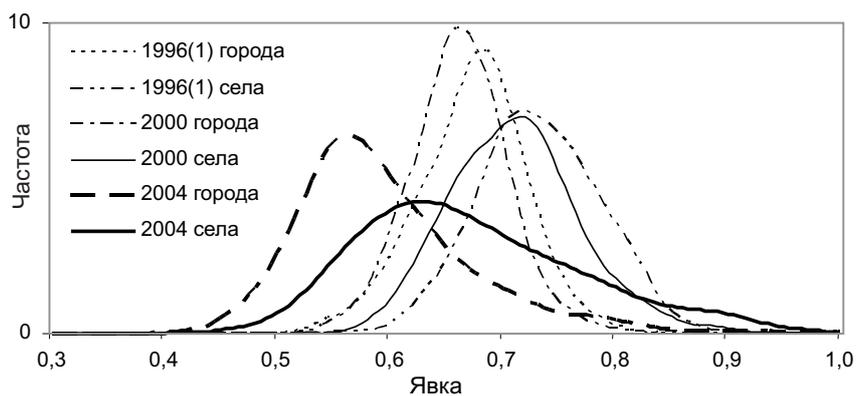

Рис. 5а. Явка в городах и селах на президентских выборах, распределение по областям, Россия, 1996, 2000, 2004

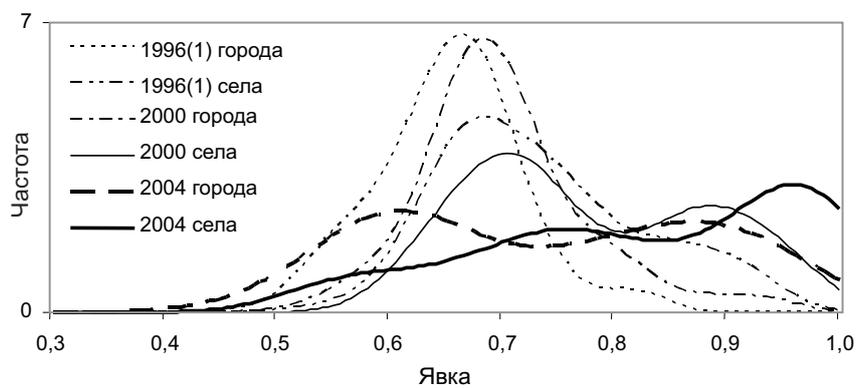

Рис. 5б. Явка в городах и селах на президентских выборах, распределение по республикам, Россия, 1996, 2000, 2004

Еще одним подтверждением того, что подобные изображенному на рисунке 4 распределения сигнализируют об искусственно организованной явке, являются исторические и статистические свидетельства [1; 2] того, что в сельской местности у региональных элит развязаны руки: «Они (губернаторы) смотрят на сельских жителей как удав на кролика. Уровень политической культуры в наших селах невысок... если здесь что-либо происходит, никто не обращает внимания»¹. На рисунках 5а и 5б изображены показатели явки в 2004-м, 2000-м и в первом туре выборов 1996 года после разделения городских и сельских районов. По областям (рис. 5а) в 1996 и 2000 годах не наблюдается каких-либо подозрительных пертурбаций нормального распределения ни в городах, ни в селах. Но как только мы посмотрим на картину 2004 года, именно в сельских районах наблюдается подозрительное «растяжение» правого «хвоста» распределения (хотя это растяжение в какой-то степени присуще и городским районам). Еще более драматичны данные по республикам (рис. 5б). Здесь мы видим подозрительные «вздутия» на правых «хвостах» всех распределений в случае всех трех выборов, независимо от того, городские или сельские районы рассматриваются. Но искажение нормального распределения проявляется наиболее отчетливо именно в сельских районах республик и от выборов к выборам все нарастает. Короче говоря, сельские районы республик четко укладываются в модель, предполагающую два различных распределения — с «естественными» и с искусственно «раздутыми» средними значениями.

3. Кто забирает лишние голоса

До этого момента мы просто обосновывали логичность вывода о том, что показатели явки избирателей в некоторой совокупности республик и сельских районов постоянно искусственно завышались и что это завышение достигло своего пика в 2004 году, когда переизбрание Путина уже не вызывало сомнения. Однако региональные руководители в безудержном порыве услужить Кремлю стремились максимизировать отнюдь не явку саму по себе, а электоральную поддержку Путина. Также следует помнить, что на выборах 2004 года отнюдь не были зафиксированы исключительно высокие показатели активности избирателей. Таким образом, если мы согласимся, что в некоторых районах имели место манипуляции с целью обеспечения необычно высоких показателей явки, рисунки 2–6, возможно, даже преуменьшают размах совершенной фальсификации. Если можно манипулировать предпочтениями самих избирателей или их бюллетенями, а это, как следует из данных таблицы 3, вполне вероятно, то тем самым руководителям, выступавшим в составе верной Путину команды, совсем необязательно было завышать явку.

Чтобы оценить эти аргументы, вернемся к идее, изначально призванной подвергнуть сомнению результаты российского конституционного референдума 1993 года [18; 19]. Обозначим V количество голосов, отданных за кандидата, и E количество имеющих право голоса. Если T ($0 < T \leq 1$) — явка,

¹ Виктор Шейнис, цит. по: The Moscow Times. — 2000. — September 9.

тогда $V/T \times E$ — доля голосов, отданных за кандидата. Теперь представим, что мы рассматриваем избирательный округ в двух параллельных вселенных, в первой из которых явка составила T , а во второй — T' , $T' > T$. Поскольку во всем другом округа в обеих вселенных идентичны, можно ожидать, что во втором случае соотношение абсолютного количества голосов, отданных за кандидата, с общим количеством потенциальных избирателей, V/E , увеличится пропорционально увеличению общей доли набранных им голосов. Если при низкой явке по округу он наберет, скажем, 60% голосов и если характер предпочтений проголосовавших и непроголосовавших одинаков, то при увеличении явки кандидат должен набрать дополнительно 60% от этого увеличения. Следовательно, если мы вычислим регрессию T относительно V/E , должен получиться коэффициент, равный $V/T \times E$. Если коэффициент будет значительно большим, придется сделать вывод, что те, кто сначала не проголосовал, в чем-то не схожи с проголосовавшими и что либо основной причиной увеличения явки стали определенные мобилизационные усилия, которые пошли на пользу только одному из кандидатов за счет всех других, либо голоса в пользу нашего кандидата были “изготовлены” незаконным путем. Не менее интересной представляется возможность получить отрицательное значение упомянутого выше коэффициента для T . Это будет означать, что при увеличении явки кандидат теряет голоса в абсолютном измерении, — любопытное обстоятельство, поскольку в рамках нашего воображаемого сценария мы не видим иных способов отобрать голоса у одного из кандидатов, кроме противозаконных.

Конечно, мы никогда не можем наблюдать один и тот же округ дважды при одних и тех же обстоятельствах. Но можно рассмотреть голосование по районам, хотя при этом следует соблюдать известную осторожность. Если между районами существуют структурные различия и если в одном из типов регионов один из кандидатов сильнее, чем в другом, регрессия T относительно V/E может привести нас к ошибочным выводам о наличии фальсификации [5]. Тем не менее, в одном мы можем быть уверены: такие республики Российской Федерации, как Татарстан и Башкортостан, никак нельзя считать образцами честных выборов. Ведь если бы, по нашим данным, они оказались таковыми, нам пришлось бы усомниться в собственных методах. В то же время такие регионы, как Тверь и Самара, наглядно контрастируют с предыдущими. Перед выборами 2003 года губернатору Твери предъявляли множество обвинений в “экономических преступлениях”, якобы потому, что он не отвечал электоральным интересам Кремля, в то время как политический конфликт между Кремлем и губернатором Самары (одним из соперников Путина на выборах 2000 года) хорошо известен. Если бы данные по этим областям были зеркальным отражением ситуации в Татарстане и Башкортостане, нам опять-таки пришлось бы усомниться в признаках, которые мы считаем следами фальсификации. Однако сомневаться не приходится. Во-первых, на рисунках 6а и 6б видно, что в 2004 году Путин получил 1,67% голосов граждан с правом голоса на каждый 1% увеличения явки в Татарстане и 1,41% — в Башкортостане. Другими словами, при увеличении явки на один пункт, кроме 1% голосов ранее не голосовавших, Путин получал еще 0,67% голосов в Татарстане и 0,41% голосов в Башкортостане из “других

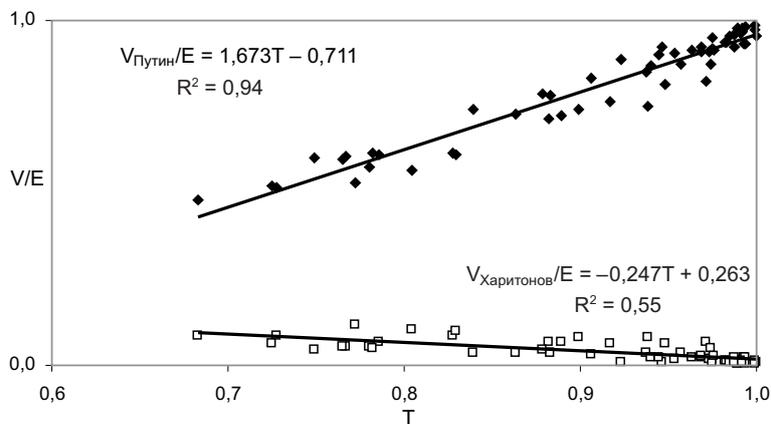

Рис. 6а. Татарстан, 2004

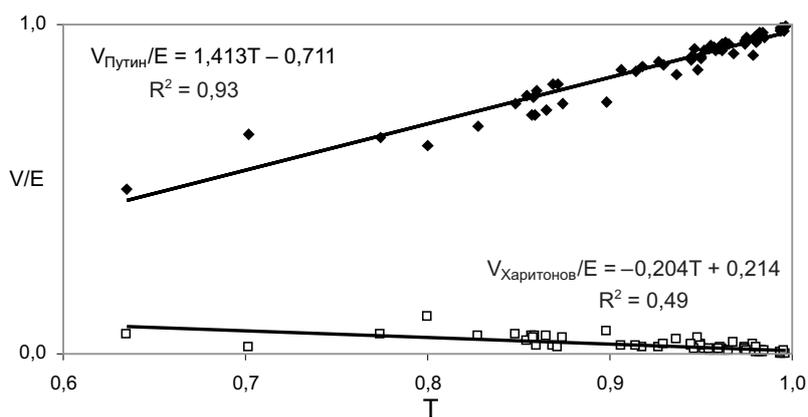

Рис. 6б. Башкортостан, 2004

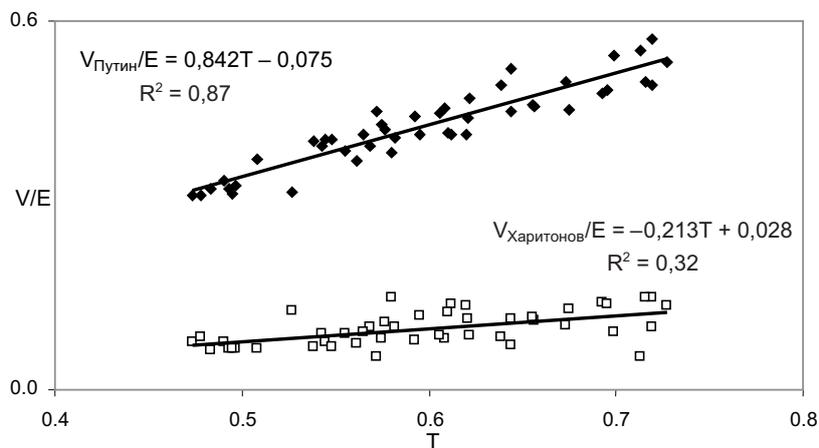

Рис. 6в. Тверь, 2004

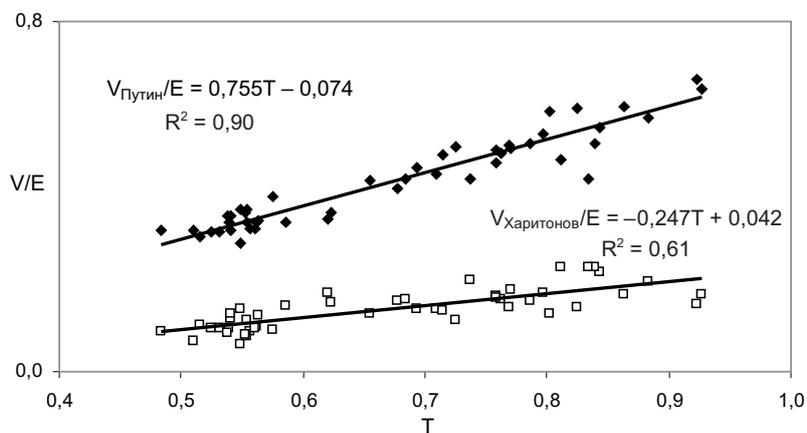

Рис. 6г. Самара, 2004

источников”¹. В отличие от этого, на рисунках 6в и 6г представлены графики для Твери и Самары, и эти графики соответствуют нашим представлениям о выборах без масштабных манипуляций с бюллетенями.

Рассматривая процессы, которые могли бы объяснить данные, полученные для Татарстана и Башкортостана, рассмотрим две крайности. Одна из них заключается в непропорциональном вычитании бюллетеней у одного кандидата и прибавлении их другому. Другая — всего-навсего проявление рвения сторонников кандидата, организующих более высокую явку в тех округах, где его поддержка особенно сильна. Среди промежуточных вариантов можно назвать сугубо советские процессы — от непонимания избирателями, зачем голосовать наперекор предпочтениям местных элит, до обычного явления, когда директора заводов собирали паспорта рабочих и голосовали за них. Однако любые сомнения в том, что за странными соотношениями между T и V/E в Татарстане и Башкортостане стоят некие извращенные процессы, отпадают сами собой после ознакомления с ситуацией в Нурлатинском районе Татарстана, где в 2004 году из 19109 зарегистрированных избирателей на выборы пришли 19052 (99,7%), из которых 19012 (99,49%) проголосовали за Путина. Более того, из 44 округов 24 отрапортовали о стопроцентной явке и о том, что **все** голоса были отданы за Путина (9568 из 9568)! У нас есть выбор: поверить в небылицы или согласиться, что это возвращение к голосованию по-советски объясняется определенным сочетанием явной фальсификации и “административного надзора”.

Существуют и другие данные, свидетельствующие о недемократичности разных республик и помогающие проинтерпретировать подозрительное статистическое соотношение между T и V/E . Например, поистине анекдот-

¹ Обратите внимание, что тут доверительные интервалы почти ничего не значат, поскольку мы имеем дело с полной выборкой данных. Предложенные здесь и по всей работе коэффициенты следует интерпретировать как описательную статистику.

тические факты, собранные в “Moscow Times” (9 сентября 2000 года), среди которых отчасти комичное замечание Владимира Шевчука по поводу центральной избирательной комиссии Татарстана: “Конечно, здесь были фальсификации, но некоторые из них могли быть обусловлены неэффективным механизмом подсчета бюллетеней... Чтобы сделать это правильно, им понадобилось бы больше, чем одна ночь. Они уже смертельно устали, поэтому и действовали согласно ожиданиям”. Вместе с тем при оценке фальсификации на президентских выборах 2000 года “Moscow Times” сосредоточивает внимание еще на третьей республике, Дагестане. Отмечая, что “возможно документально зафиксировать 87000 украденных у других кандидатов и переданных Путину голосов, просто сравнив протоколы около 16% местных участков... с протоколами национального уровня” и затем предположив, что “фальсификация на участках, протоколы которых получить не удалось, не уступала фальсификации на остальных участках”, “Times” делает вывод, что в этой республике в результате “грубой фальсификации” Путин получил не менее 551 000 лишних голосов, а это четверть его общего перевеса над оппонентом. Для нашего анализа важно то, что в 2000 году Дагестан по показателю предвзятости в пользу Путина, согласно нашим оценкам соотношения между T и V/E , находился между Татарстаном и Башкортостаном, а в 2004 году фактически сравнился с ними. Таким образом, анализ, проведенный “Times”, подтверждает наши эконометрические оценки взаимосвязи между явкой и результатами голосования.

Помня о различиях между Татарстаном и Башкортостаном, с одной стороны, и Самарой и Тверью — с другой, мы можем проследить подозрительную тенденцию в соотношении T и V/E . Во-первых, если мы вычтем из коэффициента T долю голосов, отданных за кандидата или партию в данном регионе, то в случае, когда доля прироста количества потенциальных избирателей в результате увеличения явки совпадет с общей долей голосов, отданных за кандидата, относительно числа проголосовавших в этом регионе, в результате мы должны получить ноль; если полученное число будет отрицательным, значит увеличение явки вредит кандидату, а если положительным — идет ему на пользу¹. В таблице 3 рассмотрены два подхода к этим расчетам: распределение по регионам максимальных коэффициентов и, в качестве меры абсолютного преимущества одного кандидата или партии по отношению к максимальному проигрышу другого вследствие увеличения явки, распределение по регионам разницы между максимальными и минимальными коэффициентами.

¹ Поскольку, как отмечают Филиппов и Ордушук [5], использование промежуточных переменных может из-за погрешностей агрегации привести к пере- или недооценке коэффициентов для честных выборов, в наших регрессиях мы делаем проверку для $\%U_{\text{гбап}}$. В сжатом виде, регрессия без проверки для $\%U_{\text{гбап}}$ имеет вид $V/E = \alpha + \beta \times T$. Если мы добавляем $\%U_{\text{гбап}}$, то после регрессии $V/E = \alpha + \beta_1 \times T + \%U$ мы вычитаем $[1/n \times (\text{сумма } (V/E) \text{ по всем районам})]$ из $[1/n \times (\text{сумма } (1 + \%U) \text{ по всем районам})]$. Конечно, количество голосов, отданных за кандидата, также содержит следы возможной заангажированности или фальсификации. Но если они действительно имели место, это вычитание для выигравшего от них кандидата даст нам снижение, а для проигравшего от них кандидата — повышение меры преимущества.

Таблица 3

Преимущество от увеличения явки по максимальным коэффициентам и по разнице между максимальными и минимальными коэффициентами: распределение по регионам

Мера преимущества	Анализируемые случаи	0–0,2	0,2–0,4	0,4–0,6	0,6–0,8	0,8–1,0	> 1,0
Преимущество по максимуму	1996-1	17	20	20	10	2	4
	1996-2	27	26	14	3	1	1
	1999	29	28	9	4	2	1
	2000	26	24	8	9	2	4
	2003	39	15	10	9	0	2
	2004	36	22	11	3	0	1
Преимущество по разнице между максимумом и минимумом	1996-1	3	16	18	8	11	17
	1996-2	14	13	15	12	8	10
	1999	10	27	18	8	2	6
	2000	11	16	14	12	2	18
	2003	20	27	12	5	7	2
	2004	24	22	10	9	5	2

Обе группы чисел свидетельствуют об одном и том же. Чрезмерно большие коэффициенты и относительные выигрыши наблюдаются в основном во время более ранних выборов. Для первого тура выборов 1996 года и для выборов 2000 года характерно большее количество коэффициентов, превышающих 0,6, чем для выборов 2004 года. Количество районов, где разница между максимальным и минимальным коэффициентом составляет 0,25 и выше в обоих турах выборов 1996 года и в 2000 году также превышает количество таких оценок для 2004 года. Может показаться, что эти данные противоречат предыдущему параграфу, где мы говорили о том, что в 2004 году увеличение явки было более “неестественным”, чем раньше. Но, во-первых, обратите внимание, что, поскольку мы вычитаем потенциально незаконные приросты, то чем больше фальсификация, тем большая доля голосов вычитается. Следовательно, наши измерения свидетельствуют о тенденции к снижению оцениваемых масштабов фальсификации. А поскольку на выборах 2004 года Путин набрал более 70% голосов, можно предположить, что для них такое снижение наиболее значительно. Во-вторых, данные таблицы 3 показывают только выигрыши от увеличения явки, а не количество регионов, от увеличения явки в которых выиграл определенный кандидат. Как следует из таблицы 4, на последних выборах от этого выиграл исключительно Путин. В первых двух столбцах приведено количество регионов, в которых от увеличения явки больше всего выиграла или Ельцин или, соответственно, Путин, или их оппонент-коммунист (ожидаемое значение коэффициента наибольшее). Третий и четвертый столбцы содержат информацию о количестве регионов, в которых этот выигрыш составил более 0,25 (то есть увеличение явки на 1% приносило кандидату 0,25% дополнительных голосов сверх того, что отражало бы его “нормальную” долю голосов избирателей).

Таблица 4

**Количество регионов, в которых от увеличения явки
выиграл один из кандидатов**

Анализируемые случаи	Количество регионов, в которых наблюдается выигрыш от увеличения явки		Количество регионов, в которых выигрыш составил более 0,25	
	Ельцин или Путин	Претендент-коммунист	Ельцин или Путин	Претендент-коммунист
1996-1	19	41	17	40
2000	50	14	42	10
2004	51	11	39	0

Таблица 5

Республики и выигрыш от явки

Анализируемые случаи	1996-1	1996-2	1999	2000	2003	2004
Количество республик среди первых 15:	3	5	10	10	6	8
Количество республик среди последних 15:	5	2	2	2	1	1
место Татарстана	48	4	3	14	10	8
место Дагестана	34	36	47	10	34	7
место Башкортостана	46	50	1	3	19	9
место Чувашии	62	52	9	28	3	10
место Мордовии	65	47	6	9	1	1

Таким образом, данные таблицы 4 свидетельствуют о снижении конкуренции на выборах. В 1996 году от увеличения явки чаще выигрывал соперник Ельцина Зюганов. В 2000 году Путин выиграл с перевесом в 4 раза. А в 2004 году Путин не только выиграл от увеличения явки в 51 регионе на фоне снижения этого показателя с 14 до 11 у его соперника, но в 31 регионе его выигрыш превысил 0,25% на каждый пункт увеличения явки, в то время как Харитонову не удалось достичь таких показателей ни в одном из регионов. Более того, регионы, в которых наблюдается наибольший выигрыш от увеличения явки, опять-таки не являются репрезентативными. В таблице 5 приведено количество республик среди первых пятнадцати регионов с наибольшим относительным выигрышем, количество республик с наименьшим выигрышем и рейтинг пяти специфических республик. Обратите внимание, что в 1996 году нигде, кроме Татарстана, не наблюдалось прямой связи между V/E и T. Дагестан “выходит на арену” только в 2000 году и только во время президентских выборов, а Чувашия ничем не выделяется вплоть до 2003 года. Татарстан обеспечил солидный перевес Кремля во втором туре выборов 1996 года, а Башкортостан и Мордовия оказывали особое содействие Путину или его партии с 2000 года. Вполне логично, что в 1999 году именно “Отечество” имело преимущество в Татарстане, Башкортостане и

Мордовии, что неудивительно, поскольку лидеры этих республик входили в коалицию Лужкова–Примакова. На последующих выборах население этих республик “исправилось” и в абсолютном большинстве проголосовало за Путина.

4. След голосов

Остается еще один, последний “отпечаток пальцев” — перемещение голосов между выборами. Поскольку наши данные сгруппированы до уровня отдельных районов, воспользуемся обобщением процедуры Чамберса и Стила [3] для экологической регрессии. Если не вдаваться в сугубо технические моменты, методология выглядит так. Пусть X_i — доля голосов, отданных на некоторых выборах за кандидата i ($i = 0, 1, \dots, n$), причем $i = 0$ — доля тех, кто не голосовал. Пусть Y_j — голоса, отданные за j на некоторых предыдущих выборах. Тогда:

$$X_i = b_0 Y_0 + b_1 Y_1 + b_2 Y_2 + \dots + b_n Y_n, \quad (1)$$

где $Y_0 + Y_1 + \dots + Y_n = 100$.

В этом случае выражение (1) принимает вид:

$$X_i = b_0(100 - Y_1 - \dots - Y_n) + b_1 Y_1 + b_2 Y_2 + \dots + b_n Y_n$$

или, в эквивалентной форме,

$$X_i = 100b_0 + (b_1 - b_0)Y_1 + (b_2 - b_0)Y_2 + \dots + (b_n - b_0)Y_n. \quad (2)$$

Выражение (2) можно использовать в качестве спецификации стандартной регрессии. Однако, поскольку наши независимые переменные линейно зависимы, требуется исключить одного или более субъектов (например, n -го). Таким образом, рассмотрим регрессию вида

$$X_i = a_0 + a_1 Y_1 + a_2 Y_2 + \dots + a_{n-1} Y_{n-1} \quad (3)$$

и воспользуемся этими оценками для подсчета b_j — доли голосов, отданных за кандидата j на выборах, скажем, $t-1$ года, что соответствует величине X_j , где $b_0 = a_0/100$ и $b_j = a_j + a_0/100$. Сложность такого подхода, описанного в [10; 11], заключается в том, что корректность наших оценок зависит от предположения, что районы однородны, то есть коэффициенты одинаковы для всех районов. Но мы уже видели, что районы различаются по своему характеру, особенно если различать республики и области или сельские и городские районы. Подход Чамберса–Стила состоит в формировании кластеров районов, сходных по уровню урбанизации и принадлежности либо к республикам, либо к областям, для оценки перемещения голосов в пределах каждого кластера и для последующего усреднения этих перемещений. После этого мы, используя разного рода меры соответствия, выбираем “наиболее подходящие” кластеры. Формальное описание этой методологии дано в работах [14] и [12], поэтому перейдем непосредственно к нашим оценкам.

Для начала рассмотрим таблицу 6, показывающую переток голосов между 1999 и 2003 годами, и заметим, что “Единая Россия” набрала голоса из разных источников: 65% голосов, отданных в 1999 году за “Единство”, 63% голосов “Отечества”, 26% — от ЛДПР, 19% — от КПРФ и 18% — от “Яблока”. Это неудивительно, если учесть, что “Единая Россия” была создана Путиным под

выборы-2004, которые он уверенно выигрывал¹. Причины, по которым в парламент не попали “Яблоко” и СПС, очевидны: им не удалось удержать свою электоральную базу. Кроме распыления поддержки “Яблока” по нескольким партиям, 37% тех, кто голосовал за него в 1999 году, в 2003-м просто не голосовали. От аналогичного дезертирства пострадали также ЛДПР и КПРФ.

Таблица 6

**Миграция голосов между парламентскими выборами в РФ
1999 и 2003 годов**

1999	2003	“Единая Россия”	КПРФ	ЛДПР	“Родина”	“Яблоко”	СПС	Не голосовали	Другое
“Яблоко”		0,18	-0,01	0,15	0,15	0,27	-0,01	0,37	-0,08
“Единство”		0,65	0,00	0,09	0,07	0,01	0,00	0,08	0,10
ЛДПР		0,26	-0,06	0,70	-0,17	0,00	-0,13	0,29	0,10
“Отечество”		0,63	-0,04	-0,03	0,14	0,06	0,04	0,03	0,17
КПРФ		0,19	0,37	0,05	0,08	-0,01	-0,02	0,23	0,11
СПС		-0,05	0,09	0,03	0,14	0,15	0,37	0,07	0,20
Не голосовали		0,02	0,00	0,02	0,03	0,01	0,00	0,93	-0,01
Другое		0,16	0,13	0,04	-0,02	-0,02	0,06	-0,02	0,66

Таблица 7

**Миграция голосов между президентскими выборами 2000 и 2004
и между парламентскими 2003 и президентскими 2004 годов в РФ**

Миграция голосов	Путин	Харитонов	Глазьев	Хакамада	Не голосовали	Другое
Жириновский	0,22	-0,04	0,22	0,09	-0,04	0,56
Зюганов	0,60	0,34	0,04	-0,01	-0,02	0,05
Путин	0,86	0,06	-0,02	0,01	0,08	0,02
Явлинский	0,36	-0,24	0,21	0,39	0,05	0,23
Не голосовали, другое	0,02	0,03	0,04	0,02	0,87	0,02
“Единая Россия”	1,14	0,02	-0,02	-0,01	-0,15	0,02
КПРФ	0,08	0,98	-0,01	-0,01	-0,04	0,00
ЛДПР	0,02	0,10	0,07	-0,03	0,60	0,25
“Родина”	-0,06	-0,08	0,36	0,07	0,69	0,02
Не голосовали	0,24	0,02	0,03	0,01	0,67	0,02
Другое	0,63	0,02	-0,02	0,13	0,16	0,08

¹ Сюрпризом оказались источники поддержки партии “Родина”. Кремль поддержал формирование этой партии для ослабления позиций КПРФ, но надо признать, что эта стратегия потерпела неудачу, так как “Родина” отобрала голоса не только у КПРФ, но и у “Яблока”, “Отечества” и СПС. К тому же доли голосов, отобранных у “Единства” и КПРФ, практически равны.

Несмотря на два “весомых” отрицательных коэффициента, приведенные в таблице 6 оценки “имеют смысл”. И, как показывает первая половина таблицы 7, это в основном характерно и для оценки миграции голосов в период с 2000-го по 2004 год. Путин отбирает голоса практически у всех — у Жириновского, Зюганова и Явлинского. Мало того, он забрал даже большую долю голосов Зюганова, чем Харитонов. Электорат Жириновского и Явлинского рассеялся по разным кандидатам, в то время как не голосовавшие ранее в большинстве своем так и не проголосовали. Однако именно в миграции голосов между 1999 и 2000 и между 2003 и 2004 годами мы находим след фальсификации. По идее, ни одна из оценок не должна превышать 1,0, поскольку иначе придется сделать вывод, что кандидат отобрал у одного из соперников более 100% того, что тот набрал на предыдущих выборах. Но, как мы показываем в другой работе, в 2000 году Путин набрал 108% голосов, отданных в 1999 году за “Единство”, — иными словами, приблизительно 1,25 млн голосов он набрал из какого-то неизвестного источника [10]. Возможно, не стоит удивляться тому, что количество проголосовавших избирателей за три предшествующих выбора месяца выросло на 1,3 млн¹. Но именно с миграцией голосов в периоды с 2000-го по 2004-й и с 2003-го по 2004 год связаны наиболее настораживающие оценки. Как видно из второй части таблицы 7, в 2004 году Путин получил 114% голосов тех, кто в 2003-м проголосовал за “Единую Россию”. Такое впечатление, что почти каждый седьмой из голосовавших за “Единую Россию” проголосовал за Путина дважды.

Две другие группы оценок достойны упоминания в контексте факта снижения общей явки в 2004 году по сравнению с выборами-2000. В особенности это касается того, как это снижение явки вообще возможно, если учесть очевидный выигрыш Путина в каждом случае увеличения явки, как было показано в 3 параграфе. Ответ заключается в том, что хотя и считается, что из тех, кто не голосовал на предыдущих парламентских выборах, более 80%, а то и более 90% составляли те, кто не голосует никогда [10; 13], 24% тех, кто в 2003 не голосовал, в 2004 проголосовали за Путина. Таким образом, поскольку в 2003 от участия в голосовании воздержались почти 48 млн человек, Путин, судя по всему, получил $48 \times 0,24 = 11,5$ млн голосов ранее не голосовавших или же искусственно созданных для его победы “избирателей”. Если прибавить к этому 14%, которые он, по нашим оценкам, получил сверх того, что набрала “Единая Россия”, а это еще 3,2 млн голосов, мы увидим, что Путин набрал $11,5 + 3,2 = 14,7$ млн голосов новых или ранее неучтенных избирателей: впечатляющая мобилизация сторонников, если не сказать больше².

5. Украина–2004: первый и второй туры

В отсутствие видеокассет, на которых зафиксировано вбрасывание бюллетеней или занесение в официальные протоколы цифр, не соответ-

¹ Это особенно подозрительно, учитывая, что, как сообщает “Moscow Times” от 9 сентября 2000 года, “все потенциальные избиратели автоматически регистрируются... по достижении 18 лет”. Американские и российские демографы в недоумении.

² Даже эти цифры могут быть заниженными, поскольку не учитывается возможность того, что значительная часть голосов, отданных за Путина бывшими сторонниками Зюганова (60%), Явлинского (36%) и Жириновского (22%), не была подтасовкой.

тствующих действительно волеизъявлению граждан, мы располагаем только косвенными уликами фальсификации. Таким образом, можно дать много нейтральных объяснений каждому явлению, которые мы называем “следами”: от статистической ошибки до указки влиятельных региональных политических руководителей. Однако мы имеем дело с выборами — президентскими выборами-2004 в Украине, — результаты второго тура которых, по практически всеобщему убеждению, были отмечены широкомащштабными нарушениями. Кроме докладов западных обозревателей, существуют, например, показания главы комиссии избирательного участка в Запорожье, который описывает схемы искусственного увеличения количества отданных за В.Януковича голосов путем откровенного подбрасывания бюллетеней, “голосование” чиновников райадминистрации вместо отсутствующих избирателей, заранее (еще до подсчета голосов) заготовленные результаты голосования, экономическое поощрение глав участковых комиссий на “уточнение результатов” [20]. Также имеются показания Людмилы Гребенюк, главного консультанта Администрации Президента (Л.Кучмы), которая на заседании Верховного Суда рассказала о прибавлении Центральной избирательной комиссией поздно вечером и рано утром 1,1 млн голосов к общим результатам, предоставленным Л.Кучме региональными комиссиями через отдельную систему наблюдения за ходом выборов. Хотя местные власти доложили о явке 29 291 744 избирателей, ЦИК сообщила о 30 412 994 — в одном только Донецке разница составила 511 780 голосов [21].

“Вздутие”. С тем, что выборы были сфальсифицированы, не согласны, естественно, те, кто руководил предвыборной кампанией Януковича и кто лично, как, например, Глеб Павловский, дирижировал повторным воцарением Путина. Чтобы выяснить, можем ли мы найти такие же следы фальсификации, как и в России, начнем с распределения явки по 255 районам Украины. Представленные на рисунке 7а отдельные графики для районов, поддержавших В.Януковича и В.Ющенко во втором туре выборов 2004 года, касаются президентских выборов-1999 и первого тура выборов-2004 и не вызывают удивления. Распределения практически нормальные и, как и ожидалось, показывают увеличение в 2004 году по сравнению с 1999 годом явки сторонников обоих кандидатов. Однако во втором туре выборов-2004 картина начинает напоминать ситуацию в России. На рисунке 7б видно, что, несмотря на увеличение явки в районах, поддерживавших Ющенко, общее распределение остается нормальным. Нельзя сказать, насколько это увеличение подозрительно, но мы полагаем, что нет, поскольку любое “искусственное” вмешательство в явку должно было быть одинаковым во всех районах, в том числе в конфликтных Кировоградской и Закарпатской областях. С регионами, поддерживавшими Януковича, ситуация иная. Во-первых, наблюдается впечатляющий сдвиг всего распределения вправо, что превышает даже сдвиг в первом туре по сравнению с 1999 годом. Но так же, как и в России, заметно “вздутие” на правом “хвосте”, свидетельствующее о существовании двух отдельных нормальных распределений — одно для районов с “нормальным” (системным) увеличением явки, а другое — для тех, где явка была разительно и мошеннически подправлена.

Нам также известно происхождение этого “вздутия”. 32 района, 29 из которых поддержали В.Януковича, сообщили о явке более 90%. Из 15 районов с наибольшей явкой 13 приходятся на Донецкий регион, причем в девяти из

них зарегистрирована явка более 100% — по официальным данным, до 120%! Донецк — не единственный подозреваемый в подправленной явке. После вычитания явки в первом туре из явки во втором поделим регионы, поддержавшие В.Януковича, на две группы (Крым, Донецк, Луганск и Севастополь против всех остальных) и отметим количество районов с увеличением явки в определенных пределах (рис. 8). Мы видим два отчетливых одновершинных распределения, причем 47 районов в подозрительных регионах имеют более высокое, практически обособленное от остальных распределение. Мы не утверждаем, что в других местах фальсификации вообще не было, однако ясно, что голосование в Крыму, Донецке, Луганске и Севастополе отличалось от голосования где бы то ни было. Среднее увеличение явки в этих четырех регионах составило 17%, в то время как в остальных регионах, поддержавших В.Януковича, было куда скромнее — всего 7%. Поэтому, если 6 915 031 официально зарегистрированный голос, отданный в этом регионе, составляет 110% настоящих бюллетеней, мы имеем 700 000 подозрительных голосов. Поскольку мы игнорируем остальные районы, эту цифру можно считать нижней границей количества подозрительных голосов, отданных за В.Януковича.

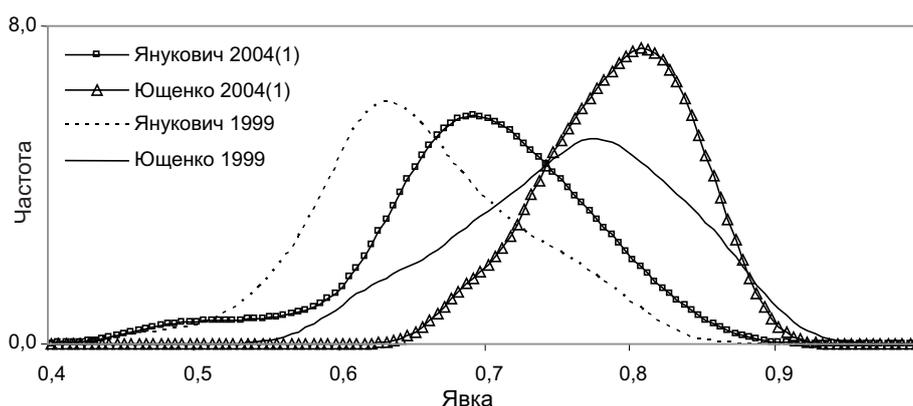

Рис. 7а. Явка на президентских выборах, Украина, 1999, 2004-1

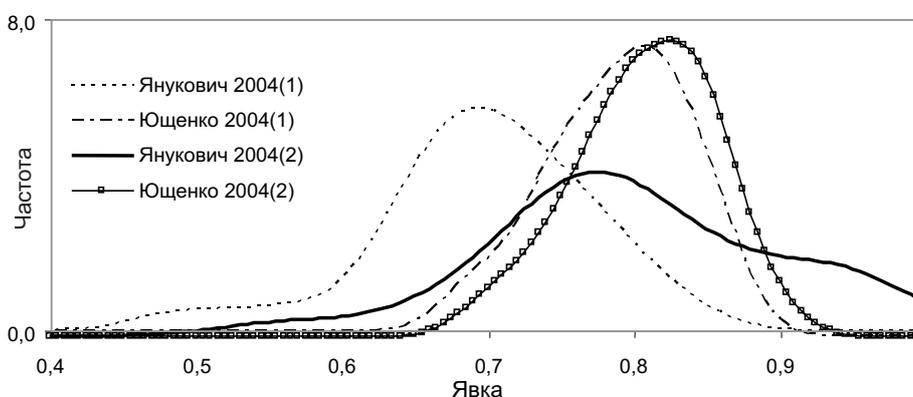

Рис. 7б. Сравнение явки в 1-м и 2-м турах президентских выборов, Украина, 2004

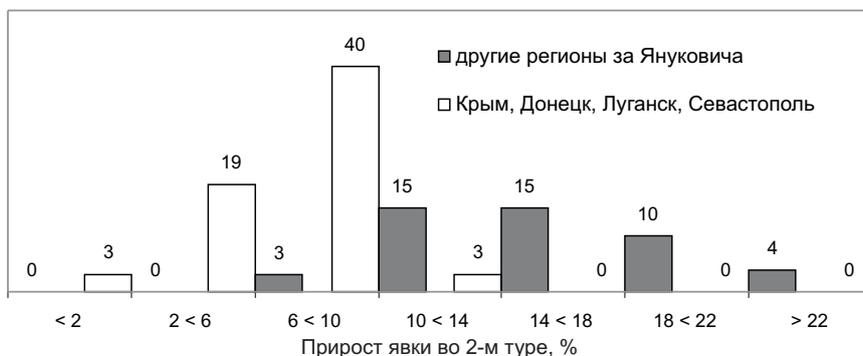

Рис. 8. "Вздутие", Украина, 2004, 2-й тур

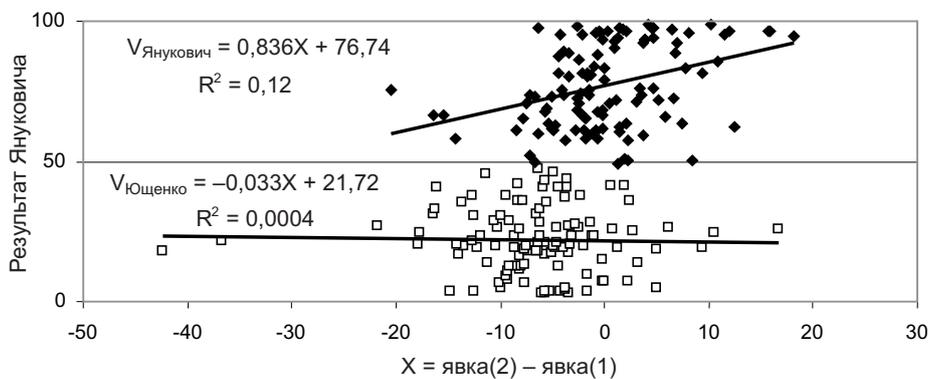

Рис. 9а. Изменение явки во 2-м туре президентских выборов, Украина, 2004, 11:00

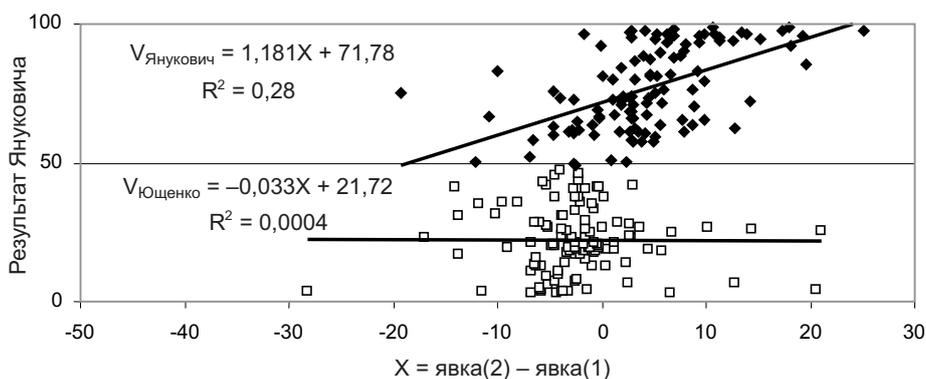

Рис. 9б. Изменение явки во 2-м туре президентских выборов, Украина, 2004, 15:00

Явка и время. В свете показаний Л.Гребенюк мы должны рассмотреть также изменение данных о явке между турами как функцию времени. Центральная избирательная комиссия Украины сообщила о явке избирателей по состоянию на 11:00, 15:00 и 20:00. Таким образом, по этим трем моментам мы можем сравнить данные о явке в первом и втором турах. Конечно, во время любых выборов эти показатели не обязательно будут соответствовать

действительному темпу передачи протоколов в центральную комиссию, но, тем не менее, эти данные позволяют составить интересную картину. Рисунок 9а отражает картину в районах, поддерживавших Януковича и Ющенко, по состоянию на 11:00 и показывает окончательный процент отданных за Януковича голосов по отношению к разнице явок во втором и первом турах. Кроме того, что районы, поддерживавшие Ющенко, сообщают свои результаты во втором туре медленнее, чем в первом, график более ничем не примечателен. То, что районы с преобладанием сторонников Януковича сообщают о большем среднем увеличении, чем районы, более приверженные Ющенко, объясняется тем, что в первом туре в районах, голосовавших за Януковича, наблюдалась более низкая общая явка (70,7%), чем в районах, отдавших голоса за Ющенко (78,3%). Рисунок 9б, соответствующий данным на 15:00, слишком отличается от 9а. В проянуковичевских районах разрыв показателей между турами увеличивается, в то время как в большинстве проющенкоовских районов явка приближается к показателям 31 октября. Заметьте, что на рисунках 9а и 9б зависимость между голосованием за Ющенко и относительной явкой отсутствует, в то время как в случае Януковича развивается с самого начала, так что изменения явки среди его районов распределены иначе, чем у Ющенко: прослеживается едва заметное “вытягивание” явки в районах, где поддержка Януковича исключительно высока. Таким образом, если, как утверждает Л.Гребенюк, ЦИК прибавила 1,1 млн голосов уже после закрытия избирательных участков, получается, что прочие “преувеличения” явки произошли раньше.

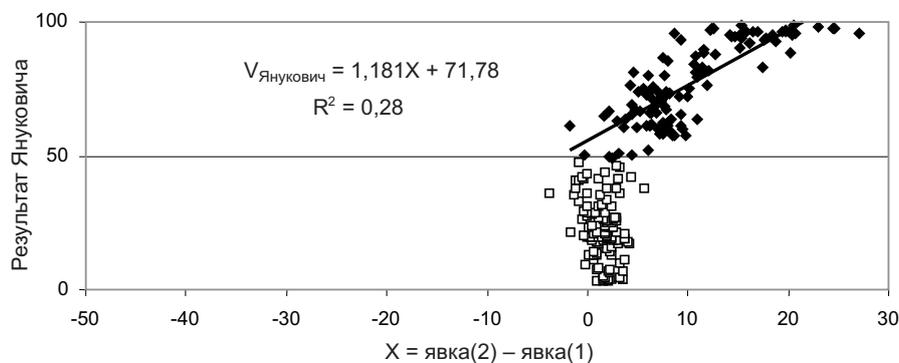

Рис. 9в. Изменение явки во 2-м туре президентских выборов, Украина, 2004, 20:00

Однако, когда мы посмотрим на цифры, сообщенные ЦИК в 20:00, мы увидим отчетливую разницу между кандидатами (рис. 9в). Все районы, поддерживавшие Ющенко, фактически сошлись на умеренном приросте к явке по сравнению с 31 октября, в то время как в случае Януковича прослеживается четкое соотношение между результатами в поддерживавших его районах и увеличением явки по сравнению с предыдущим туром. Сравнивая рисунки 9в и 9б, мы можем выделить среди районов — сторонников Януковича два кластера — районы, в которых он набрал “умеренное” количество голосов (скажем, 50–75%) и явка по которым увеличилась в среднем на 7%, и районы, отдавшие за него более 75% голосов и сообщившие об увеличении явки на 10–28%. Если бы мы попытались представить себе обстоятельства, при

которых голоса внезапно и обманым путем приписываются определенному кандидату, допустим, когда выяснилась неизбежность его проигрыша, нам следовало бы ожидать нечто похожее на ситуацию на рисунках 9а–в.

Т и V/E. Казалось бы несомненный след, свидетельствующий о злобно сфальсифицированной явке, идущей на пользу только одному из кандидатов, несколько меркнет, если мы рассмотрим соотношение между Т и V/E. Но сначала отметим, что поскольку украинские районы больше российских, области Украины состоят из меньшего количества районов. В России на регион в среднем приходится более 30 районов, в то время как в Украине — менее девяти, причем в Севастополе их два, в Черновицкой области — четыре, а в Ривненской, Тернопольской, Кировоградской и Волынской областях — по пять. Только Донецкая область с 23 районами сравнима с российскими регионами. Таким образом, внутрирегиональная регрессия проблематична, поэтому начнем с группирования всех районов, поддержавших Януковича, и всех, в которых абсолютное большинство голосов набрал Ющенко. В результате (см. рис. 10а и 10б) получим схему, больше похожую на ситуацию в Татарстане и Башкортостане, чем в Твери и Самаре (см. рис. 6а–г).

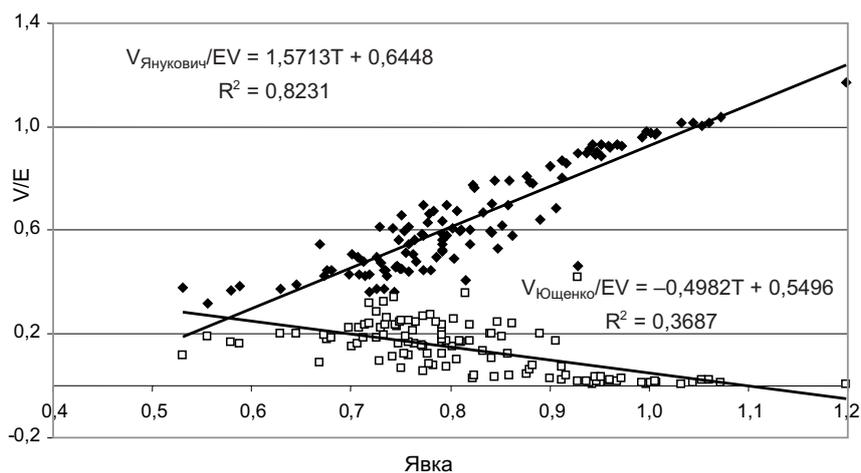

Рис. 10а. Районы, поддержавшие Януковича

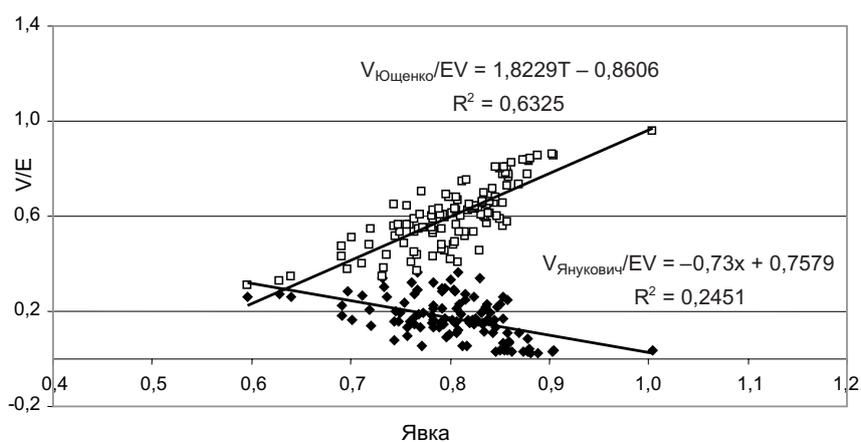

Рис. 10б. Районы, поддержавшие Ющенко

Кажется, у нас теперь есть два пути: предположить, что оба кандидата одинаково причастны к фальсификации результатов или запугиванию сторонников оппонента в “своих” регионах или же что имел место более “естественный” и нейтральный процесс мобилизации сторонников. Не отказываясь пока что ни от одной из этих гипотез, рассмотрим третий вариант. Отметим, что в Татарстане и Башкортостане согласованность между Т и V/E для Путина больше, чем для обоих украинских кандидатов ($R^2 = 0,94$ против 0,82 и 0,63). Это и тот факт, что данные на рисунках 10а и 10б касаются разнородного населения, настораживает и наводит на мысль о возможной ошибке агрегации, которая затемняет здесь все дело. В таблице 8 приведены результаты разделения районов по процентному соотношению голосов, отданных за каждого кандидата, и оценка выигрыша кандидата от явки в пределах каждой подгруппы¹. Преимущество кандидата определяется вычитанием из этого выигрыша голосов, набранных им в каждой подгруппе. Таким образом, когда доля голосов, полученных Януковичем, превышает 90%, количество граждан с правом голоса, проголосовавших за него, увеличивается на 1,11% на каждый 1% увеличения явки. Поскольку в среднем в этих районах он получил 96% голосов, его преимущество составляет $1,11 - 0,96 = 0,15$. Но он также выиграл от того, что хотя Ющенко набрал в среднем 2%, увеличение явки стоило ему 12% голосов граждан с правом голоса. Таким образом, чистый выигрыш Януковича в этих 32 районах составил $0,15 + 0,14 = 0,29$. Из таблицы 8 следует, что Янукович получил преимущество от явки, превышающее “умеренное” в 49 районах (тех, в которых он набрал более 80% голосов), в то время как Ющенко получил аналогичное преимущество в 19 районах (тех, в которых он набрал более 90% голосов). К общему результату Ющенко мы можем прибавить 17 районов, в которых он набрал от 50% до 60%, но этот выигрыш практически сводится на нет его потерями в 19 районах из категории 70–75%².

Размеры выигрыша, согласно таблице 8, заметно меньше оценок для Татарстана и Башкортостана. Но хотя следы, подобные обнаруженным в России, здесь более расплывчаты, они явно существуют. А поскольку эти следы обнаруживаются в 49 районах, поддержавших Януковича, против 19 проющенкоовских, подозрения падают главным образом на Януковича. Можно, конечно, предложить другую оценку чистого выигрыша Януковича в четырех областях, являющихся, как следует из рисунка 10, источником “вздутия”. Поскольку явка по этим областям составляет в среднем 90,3%, подсчитаем, имея в виду устранение “вздутия”, количество голосов,

¹ Разделение районов на подгруппы и использование полученных коэффициентов в качестве единственной меры сомнительного преимущества кандидата неявным образом подразумевает, что корреляция поддержки и явки по категориям вызвана естественными благоприятными факторами. Однако если явка изменяется путем фальсификации и если она с большей вероятностью была завышена в тех регионах, где кандидат пользуется наибольшей поддержкой, то мы в своих расчетах недооцениваем объемы фальсификации.

² Ющенко, казалось бы, обладает существенным преимуществом в тех районах, в которых Янукович набрал 50–60%, но эти наши оценки никак не влияют на общую статистику (обратите внимание на резкое уменьшение R^2).

которое надо отнять от результата Януковича и прибавить к результату Ющенко для того, чтобы этот средний показатель стал равен, скажем, 80%¹. Две регрессии зависимости между V/E и T для этих четырех регионов имеют вид:

$$\#V_{\text{Янукович}}/E = 1,31T + 0,35, R^2 = 0,97;$$

$$\#V_{\text{Ющенко}}/E = -0,29T + 0,31, R^2 = 0,62.$$

Таблица 8

Сравнение относительного преимущества от увеличения явки

Подгруппы районов по соотношению голосов	Янукович						Ющенко						
	Количество районов	b	R ²	V/T E	Преимущество	Чистый выигрыш	Количество районов	b	R ²	V/T E	Преимущество	Чистый выигрыш	
Большинство, %													
> 90	32	1,11	0,98	0,96	0,15	0,29	19	1,14	0,94	0,94	0,20	0,38	
		-0,12	0,50	0,02	0,14			-0,13	0,21	0,05	0,18		
80 < 90	17	1,02	0,88	0,84	0,18	0,34	13	0,88	0,76	0,85	0,03	0,07	
		-0,04	0,01	0,12	0,16			0,09	0,04	0,13	0,04		
70 < 80	21	0,74	0,92	0,74	0	-0,01	24	0,81	0,88	0,78	0,03	-0,03	
(75 < 80)		0,22	0,60	0,21	-0,01			0,25	0,44	0,19	-0,06		
(70 < 75)							19	0,67	0,81	0,73	0,06	-0,10	
								0,39	0,53	0,23	-0,16		
60 < 70	28	0,69	0,93	0,64	0,05	0,04	19	0,69	0,69	0,66	0,03	0,01	
		0,30	0,55	0,29	-0,01			0,32	0,32	0,30	-0,02		
50 < 60	12	0,43	0,54	0,56	-0,13	-0,28	17	0,64	0,82	0,55	0,09	0,16	
		0,52	0,56	0,37	-0,15			0,33	0,51	0,40	0,07		

Таким образом, 10%-е снижение явки уменьшает долю голосов, отданных за Януковича, на 13,1% и снижает количество граждан с правом голоса, поддержавших Ющенко, на 2,9%. В этом случае фальшивых или уничтоженных бюллетеней в этих четырех областях должно было бы быть 1 125 000, что соответствует 13,1 + 2,9 = 16% граждан с правом голоса. Конечно, мы можем только гадать, какого уровня явки удалось бы достичь без использования подозрительных голосов, поэтому все наши подсчеты касаются общего выигрыша Януковича от увеличения явки ad hoc. Поэтому объективности ради проведем аналогичные подсчеты для 19 районов, подозрительно единодушно поддержавших Ющенко. Если предположить, что явка в этих районах должна снизиться на 6,6% для достижения того уровня средней явки, до которого мы свели “вздутие” районов за Януковича (с 86,6% до 80%), получаем

¹ Явка 80% — это на 5% больше, чем во всех остальных регионах, поддержавших Януковича, однако вполне резонно предположить, что в этих четырех областях он даже на абсолютно честных выборах получил бы большую поддержку, чем где бы то ни было, и эти области соответствовали бы правому хвосту нормального распределения явки.

приблизительно 271 000 подозрительных голосов¹. Таким образом, общее преимущество Януковича составляет приблизительно 954 000 голосов — вполне достаточно для того, чтобы усомниться в легитимности победы Януковича и объявить победителем Ющенко, хотя и с допуском, который поставит возможный результат под сомнение.

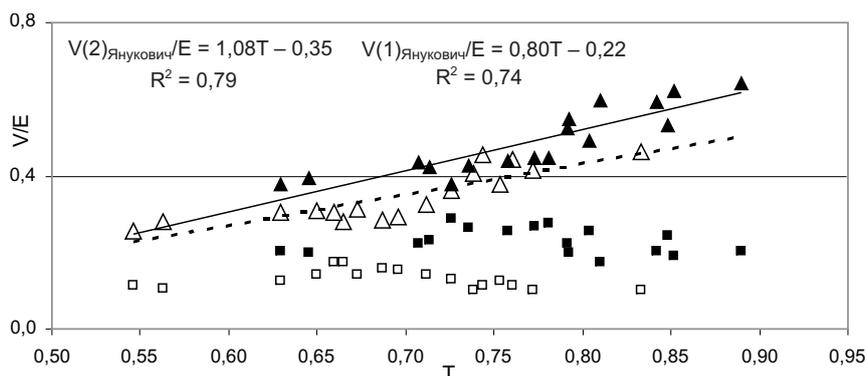

Рис. 11а. Днепропетровск, $n = 17$

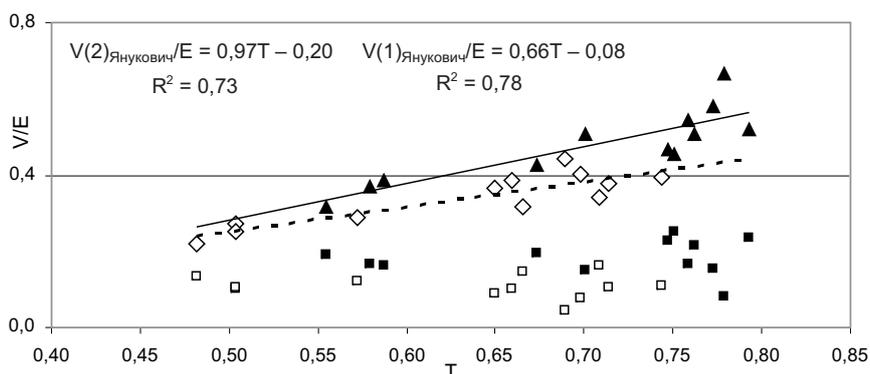

Рис. 11б. Харьков, $n = 14$

Еще одно, последнее сравнение соотношения между V/E и T проливает свет на многое. Выше отмечалось, что анализировать отдельные области проблематично, так как украинские регионы, как правило, состоят из меньшего количества районов, чем российские. Тем не менее посмотрим на рисунки 11а–11ж, которые показывают изменение соотношения V/E и T в первом и втором турах для семи крупнейших регионов — Днепропетровска, Харькова, Крыма с Севастополем, Донецка, Луганска, Львова и Киева (черные фигуры отражают данные второго тура, белые — первого).

¹ Воспользовавшись оценками из таблицы 8, мы увидим, что снижение явки на 6,6% вызвало бы снижение поддержки Ющенко на $6,6 \times 1,14\%$ голосов всех граждан с правом голоса и увеличение поддержки Януковича на $6,6 \times 0,13\%$. Поэтому количество “подозрительных” голосов в этих 19 районах составляет $6,6 \times 1,27 = 8,382\%$ голосов всех граждан с правом голоса.

пяти регионах победил Янукович (набрав соответственно 64%, 70%, 83%, 96% и 93%), а Львов и Киев поддержали Ющенко (92% и 75%), соответствующие графики приобретают три характерных формы. В Днепропетровске и Харькове (рис. 11а и 11б) преимущество Януковича благодаря увеличению явки по отношению к доле полученных голосов очень значительно (чистый выигрыш составил 0,81 и 0,48 соответственно), в то время как Ющенко от увеличения явки или не получает ничего, или только теряет. Однако во втором туре Янукович набрал здесь на 14% и 13% больше, в то время как Ющенко — на 12% и 11% больше, то есть почти в той же мере. Поэтому навешивать на это преимущество Януковича ярлык сомнительности не будем. Далее, во Львове и Киеве (рис. 11в и 11г) от увеличения явки Ющенко выигрывает, а Янукович — скорее проигрывает (чистый выигрыш — 1,52 и 0,71 соответственно)¹. Однако увеличение поддержки Ющенко во втором туре (4% и 12%) практически такое же, как у Януковича (3% и 7%). Поэтому, как и в Днепропетровске и Харькове, такое преимущество Ющенко не более подозрительно, чем любое другое “административное” преимущество лидера в “своем” регионе. А вот в Крыму с Севастополем, Донецке и Луганске (рис. 11д–ж) картина совсем иная. Во втором туре показатели прироста результата Януковича значительны (13,9 и 13%), в то время как у Ющенко — выигрыш незначителен или отсутствует (1,0 и 1%). Таким образом, преимущество Януковича (0,30, 0,63 и 0,62 соответственно) более подозрительно, чем у него же в Днепропетровске и Харькове или у Ющенко во Львове и Киеве. Соотношения между T и V/E для всех семи регионов, по крайней мере во втором туре, соответствуют предположению о значительном “административном преимуществе” обоих кандидатов в своих регионах: во всех семи случаях, по нашим оценкам, коэффициент при T для второго тура превышает долю голосов, отданных за соответствующего кандидата. Но в Крыму, Севастополе, Донецке и Луганске ситуация следующая. Предположим, что во втором туре фальшивые голоса добавлялись в пользу только одного кандидата (Януковича) для завышения количества отданных за него голосов. Тогда на соответствующих графиках соотношения V/E и T доля голосов, отданных за кандидата, занявшего второе место (Ющенко), сместится горизонтально (поскольку растет только явка, но доля отданных за него голосов от числа проголосовавших и всех граждан с правом голоса не меняется), а для кандидата, извлекающего из фальсификации выгоду — вправо и вверх, так как коэффициент при T практически не меняется. Именно это и наблюдается на рисунках 11д–ж. Более того, если предположить, что прирост явки и набранных голосов в процентах происходит исключительно за счет сомнительных бюллетеней, мы получим приблизительно 1,4 млн голосов, что очень близко к нашим предыдущим расчетам и количеству голосов, добавленных, как утверждает Людмила Гребенюк, к результату Януковича по данным комиссий на местах. То, что мы здесь видим, соответствует ситуации на рисунке 7б и гипотезе о фальсификации результатов выборов в пользу Януковича за счет увеличения явки в некоторых регионах.

¹ Конечно, 1,52 — это очень большое преимущество, но, поскольку во Львове изменение явки незначительно (в пределах 0,8–0,9), любые оценки нестабильны и потому ненадежны.

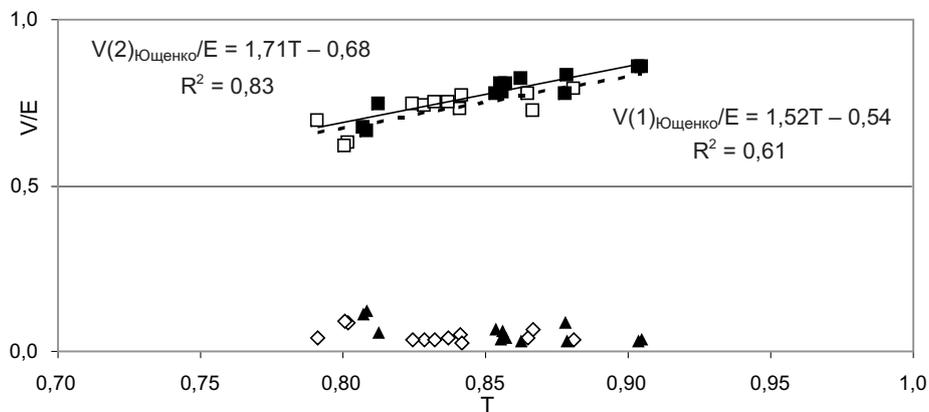

Рис. 11в. Львов, $n = 12$

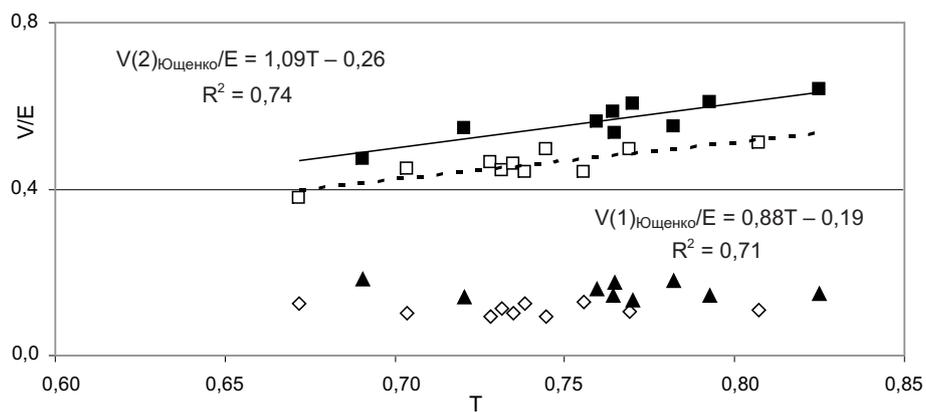

Рис. 11г. Киев, $n = 10$

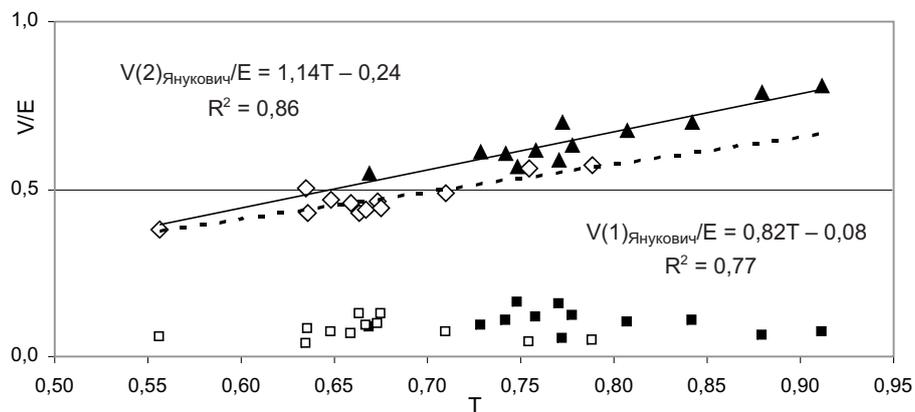

Рис. 11д. Крым + Севастополь, $n = 12$

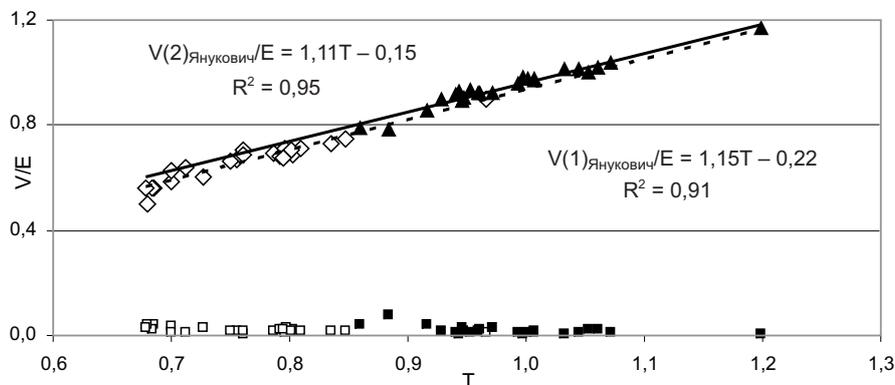

Рис. 11е. Донецк, $n = 23$

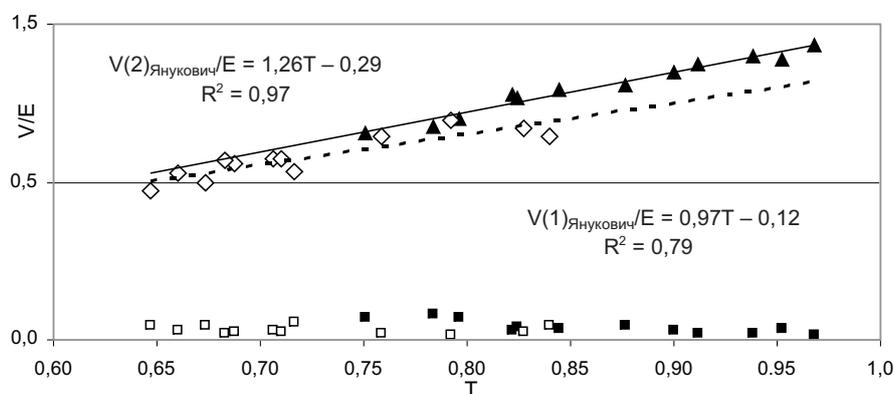

Рис. 11ж. Луганск, $n = 12$

Таблица 9

Приток голосов между 1-м и 2-м турами президентских выборов в Украине в 2004 году

2-й тур	1-й тур	Янукович	Ющенко	Не голосовали, против всех
Янукович		1,20	-0,05	-0,15
Ющенко		-0,08	1,06	0,02
Мороз		-0,02	0,99	0,03
Симоненко		0,90	0,05	0,06
Не голосовали		0,17	-0,06	0,89
Против всех и др.		0,03	0,69	0,34

Приток голосов. Сложность с использованием приведенных в таблице 8 или на рисунках 11а и 11б оценок для подсчета общего количества фальшивых голосов связана с тем, что в регионах с небольшим количеством районов нам приходится опираться на ненадежные оценки. С уверенностью можно утверждать только то, что в Украине присутствуют те же следы

фальсификации, что и в России. Впрочем, ситуация с фальсификацией и ее масштабами проясняется, если проанализировать движение голосов в период между турами, данные о котором собраны в таблице 9.

В соответствии со своими убеждениями практически все, голосовавшие за Мороза, поддержали Ющенко, а подавляющее большинство сторонников Симоненко — Януковича. Тем не менее в таблице отчетливо выделяются три цифры. Во-первых, Янукович набрал 120%, а Ющенко — 106% от числа голосов, отданных за них в первом туре. А мы знаем, что достичь показателя более 100% без подбрасывания бюллетеней, многократного голосования и прочих видов фальсификации невозможно. Следовательно, выигрыш Януковича от использования фальшивых голосов составляет $0,2 \times 10\,969\,579$ голосов = 2 193 916 голосов, выигрыш Ющенко — $0,06 \times 11\,125\,395$ голосов = 667 523 голосов, то есть в пользу Януковича сфальсифицировано на полтора миллиона голосов больше. Если эти “лишние” голоса у обоих кандидатов отнять, Ющенко, конечно, победит — хотя и не с таким преимуществом, как по данным надежного украинского экзит-полла, проведенного Киевским международным институтом социологии (КМИС). Однако в таблице 9 есть еще одна странная цифра — 17% голосов ранее не голосовавших, отданные за Януковича. При других обстоятельствах это не вызвало бы подозрений, особенно в свете того, что в первом туре средняя явка по районам, поддержавшим Януковича, была ниже, чем в районах, где победил Ющенко. Однако если учесть, что в девяти районах Донецкой области была зафиксирована явка более 100%, нам не остается ничего другого, кроме как предположить, что определенная часть этих 17% — результат прямой фальсификации. Также очень подозрительно то, что, как и Путин в 2004 году, Янукович — единственный кандидат, за которого проголосовала изрядная доля ранее не голосовавших и чересчур много его сторонников, и в этом отношении Янукович и Путин просто братья-близнецы — с одинаковыми следами фальсификации выборов. Конечно, мы понятия не имеем, в какой мере это увеличение явки происходило законным образом. Если предположить, что это все фальсификация, нам придется добавить к сомнительным голосам за Януковича еще 17% от 9 716 126, то есть 1 651 741 голосов. Но, проанализировав “вздутие”, можно заметить, что в регионах, поддержавших Януковича, явка увеличилась приблизительно на 7% (без Крыма, Севастополя, Луганска и Донецка). Поэтому предположим, что вместо 11% увеличения явки, о которых сообщила ЦИК, 7% — честные, а 4% — нечестные. В этом случае от общего результата Януковича надо отнять $4/11 \times 0,17 \times 9\,716\,126$ голосов = 600 633 голосов.

В таблице 10 обобщены наши оценки масштабов фальсификации во втором туре президентских выборов в Украине. Как видим, выигрыш Януковича от обнаруженных нами “особенностей” может меняться в довольно широком промежутке. Но есть несколько вещей, которые следует иметь в виду в отношении этих цифр. Во-первых, цифра 700 000, связанная с нашей оценкой “вздутия”, касается лишь четырех областей (Крым, Севастополь, Донецк, Луганск), и простое снижение показателей явки в этих областях нормализует распределение явки по районам, поддержавшим Януковича. Таким образом, 700 000 — это абсолютная нижняя граница масштабов фальсификации в пользу Януковича. Вторая группа оценок учитывает возможность того, что у кандидатов голоса также отнимались. Однако и здесь наша оценка, возможно, занижена, поскольку мы учитываем масштабы фальси-

фикации лишь в 49 из 112 районов, приверженных Януковичу, пусть и наиболее подозрительных, а также потому, что мы учитываем возможность корреляции между поддержкой определенного кандидата и явкой избирателей вследствие вполне безобидных причин. С другой стороны, оценку “притока голосов” саму по себе можно интерпретировать по-разному, в зависимости от того, как мы расцениваем отданные за Януковича голоса тех, кто в первом туре не проголосовал. Тем не менее, даже если предположить, что это увеличение явки законно на 75%, чистый выигрыш Януковича за счет сомнительных голосов достигает 1 890 000 голосов. Таким образом, не приходится отрицать, что благодаря подбрасыванию бюллетеней и “административному контролю” чистый выигрыш Януковича за счет сомнительных голосов превысил полтора миллиона голосов — вполне достаточно для требовавшейся Кремлю “победы”.

Таблица 10

Оценки количества сомнительных голосов по разным методикам

Методики	Сомнительные голоса за Януковича	Сомнительные голоса за Ющенко	Чистый выигрыш Януковича
Оценка “вздутия”	700 000	—	700 000
Соотношение V/E и T для “вздутия”	От 1,23 до 1,4 млн	271 000	От 954 000 до 1,13 млн
Оценка притока голосов	От 2,2 до 3,8 млн	670 000	От 1,5 до 3,1 млн

6. Двадцать шестое декабря

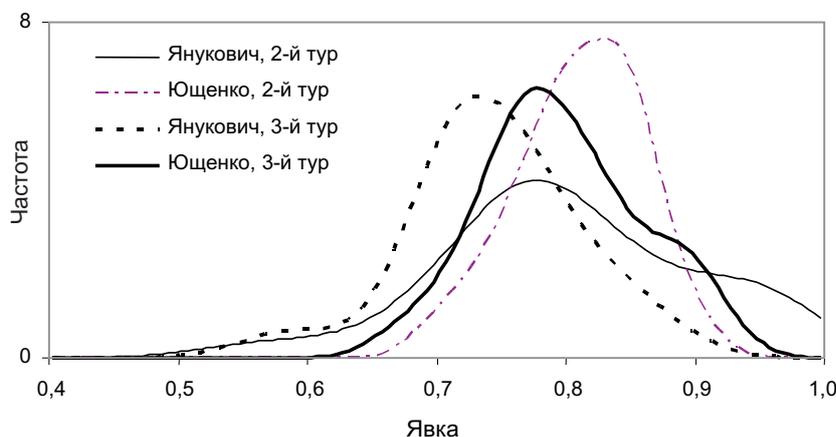

Рис. 12. Распределение явки во 2-м и 3-м турах президентских выборов, Украина, 2004

Если верить тысячам западных наблюдателей, прибывших в Украину на выборы 26 декабря, фальсификация, хоть и не полностью отсутствовала, имела гораздо меньший размах, чем во втором туре, поэтому проявления, которые мы относили к следам фальсификации, должны угаснуть, а то и вовсе исчезнуть. Следовательно, повторяя наш путь, рассмотрим рисунок 12, на котором сравниваются распределения явки во втором и третьем турах, отдельно

для районов, поддержавших Януковича и ориентированных на Ющенко. Сразу бросается в глаза “нормализация” распределения для Януковича — “вздутие” исчезло, и распределение выглядит почти так же, как для первого тура. Однако теперь мы имеем намек на “взятие” в пользу Ющенко. Это возмущение заметно меньше, чем любое в России или в случае Януковича во втором туре, однако оно присутствует, и можно определить основные его источники. Это избирательные округа в Волынской (5), Ивано-Франковской (6), Тернопольской (5) областях и 8 из 12 участков Львовской области. Тем не менее, даже если считать сомнительными все новые голоса в этих 24 районах наряду с прочими, где увеличилась явка, мы получим 128 000 подозрительных голосов — гораздо меньше, чем во втором туре за Януковича (700 000).

С другой стороны, рассмотрим приток голосов в период между вторым и третьим турами. Как показывает таблица 11, приток голосов к Януковичу не кажется особо подозрительным — он сохраняет 82% исходного результата, остальные 18% поддержавших его во втором туре, перешли в разряд “не голосовали + против всех”¹. По-видимому, эти 18%, что соответствуют 2,72 млн голосов — просто мелочь по сравнению с верхним пределом наших предыдущих оценок количества сомнительных голосов (см. табл. 10) — это по большей части фальшивые голоса, “отданные” за Януковича во втором туре. Но мы также видим, что Ющенко набрал 105% своего результата во втором туре — почти на 700 000 голосов больше. Хотелось бы отметить, что 5% почти несомненно находятся в пределах погрешности агрегации данных, но мы не можем игнорировать этот симптом наличия подозрительных голосов, если учесть слабое отклонение распределения явки в районах, поддержавших Ющенко, от нормального.

Таблица 11

Приток голосов между 2-м и 3-м турами президентских выборов в Украине в 2004 году

2-й тур	3-й тур	Янукович	Ющенко	Не голосовали + против всех
Янукович		0,82	0,00	0,18
Ющенко		-0,08	1,05	0,03
Не голосовали + против всех		0,21	0,01	0,79

Третий достойный внимания след касается соотношения между V/E, долей отданных за кандидата голосов граждан с правом голоса, и явкой T. Опять-таки, если мы проведем для всех районов регрессию V/E по T, полученная картина будет не сильно отличаться от рисунков 10а и 10б, а уравнения регрессии примут вид:

$$\begin{aligned} \text{Районы, поддержавшие Януковича:} \quad & V_{\text{Янукович}}/E = 1,74T - 0,73, R^2 = 0,74 \\ & V_{\text{Ющенко}}/E = -0,67T + 0,66, R^2 = 0,33 \end{aligned}$$

¹ Приток голосов в пользу Януковича из категории “не голосовали + против всех” (коэффициент 0,21) можно частично объяснить тем, что в поддержавших его районах доля тех, кто проголосовал против всех, сократилась в среднем с 4,5% до 2,8%.

Районы, поддержавшие Ющенко:
 $V_{\text{Ющенко}}/E = 1,83T - 0,80, R^2 = 0,83$
 $V_{\text{Янукович}}/E = -0,77T + 0,74, R^2 = 0,51$

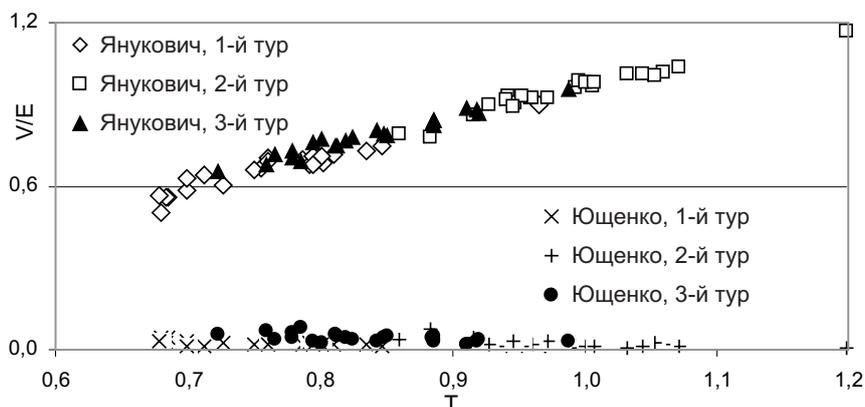

Рис. 13а. Донецк, 1–3 туры

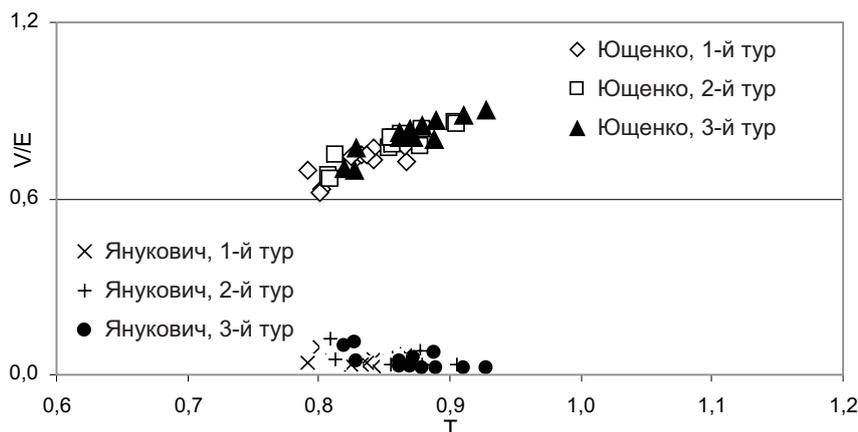

Рис. 13б. Львов, 1–3 туры

Эти оценки означают, что во всех турах наблюдалось некое сочетание “административного контроля” и голосования по-советски. Однако обратим внимание на рисунки 13а и 13б, на которых показано соотношение V/E и T для двух регионов, наиболее ревностно поддержавших своих кандидатов: Донецка и Львова. Во-первых, отметим, что какие бы изменения ни происходили, они происходят на фоне значительно большего по сравнению со Львовом уровня явки в Донецке (рис. 13а, 13б). Во-вторых, ситуация меняется по-разному. В Донецке показатели третьего тура “откатываются” назад к показателям первого тура, что согласуется с гипотезой о масштабной коррекции результатов — то есть в третьем туре фальсификация голосов хоть и не исчезла вовсе, но значительно сократилась. Во Львове, напротив, поддержка Ющенко в третьем туре относительно числа всех граждан с правом голоса увеличилась прямо пропорционально небольшому увеличению явки, однако аналогичного увеличения поддержки Януковича не наблюдается. Правда, все эти изме-

нения достаточно малы, чтобы ими пренебречь. Но нельзя не заметить настояжывающие пертурбации распределения явки в регионах, поддержавших Ющенко, наряду со 105%-м результатом по сравнению со вторым туром. Сочетание этих моментов требует признания возможности добавления в пользу Ющенко от 128 000 до 700 000 сомнительных голосов.

Впрочем, верхний предел чистого количества подозрительных голосов за Ющенко скорее всего не будет очень высоким, что следует из меры электорального искажения, согласно которой между оппонентами наблюдается четкая симметрия. А именно: допустим, для районов, в которых каждый кандидат набрал более 80% голосов, мы строим такую регрессию:

Общее количество голосов за кандидата = $\alpha + \beta \times$ всего отдано голосов.

В таблице 12 приведены результаты такой регрессии для второго и третьего туров. Сразу бросается в глаза несхожесть соотношений для второго тура. Если в районах, поддержавших Ющенко, последний с каждого дополнительного голоса получает 0,93, а Янукович — 0,05 голоса, то Янукович в своих районах получает с каждого нового голоса 1,13 голоса, а Ющенко в среднем 0,12 голоса теряет. Однако в третьем туре позиции кандидатов в соответствующих регионах практически повторяют друг друга. С каждого нового голоса Ющенко в своих районах получает 0,99 голоса (увеличение по сравнению с 0,93), а Янукович в своих — 1,02 (снижение по сравнению с 1,13). Аналогично в районах, приверженных Януковичу, Ющенко теряет 0,02 голоса (а терял 0,12), Янукович же в районах соперника ничего не выигрывает и не теряет (а получал 0,05). Эти данные сами по себе свидетельствуют о полной взаимодополняемости кандидатов на заключительном туре выборов — никто не оказывается в более выигрышном, чем соперник, положении в своих районах.

Таблица 12

**Общий результат кандидатов
по сравнению с общим количеством голосов**

Регионы, где один из кандидатов получил более 80% голосов	Янукович			Ющенко		
	α	β	R^2	α	β	R^2
2-й тур						
Янукович > 80%	30,478	1,13	0,96	25,127	-0,12	0,26
Ющенко > 80%	4,132	0,05	0,03	-3,403	0,93	0,87
3-й тур						
Янукович > 80%	14,753	1,02	0,92	13,483	-0,02	0,01
Ющенко > 80%	14,008	-0,00	0,00	13,994	0,99	0,89

Последнее сравнение обнаруживает несхожесть хода голосования во втором и третьем турах. Вспомним рисунки 9а–9в, которые показывают корреляцию между поддержкой Януковича и изменениями явки между первым и вторым турами и рост ее после 15:00, что подтверждает нашу гипотезу о добавлении фальшивых голосов в пользу Януковича после 15:00. Теперь посмотрим на рисунки 14а–14в, на которых сравнивается ситуация на те же моменты времени в первом и третьем турах. Контраст с рисунками

9а–9в очевиден — конвергенция последовательная, и строгой взаимосвязи между поддержкой Януковича и явкой не наблюдается. Окончательное соотношение между изменением явки и поддержкой Януковича 21 ноября (рис. 9в) описывается уравнением $V = 2,07X + 55,54$, то есть на каждый пункт прироста явки во втором туре по сравнению с первым поддержка Януковича во втором туре увеличивается на два процента. Напротив, на рис. 14в соотношение более приемлемое: $V = 0,93X + 68,49$.

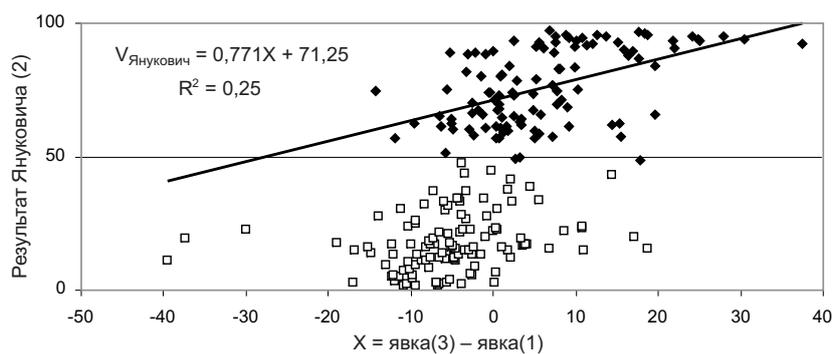

Рис. 14а. Изменение явки в 3-м туре по сравнению с 1-м туром президентских выборов, Украина, 2004

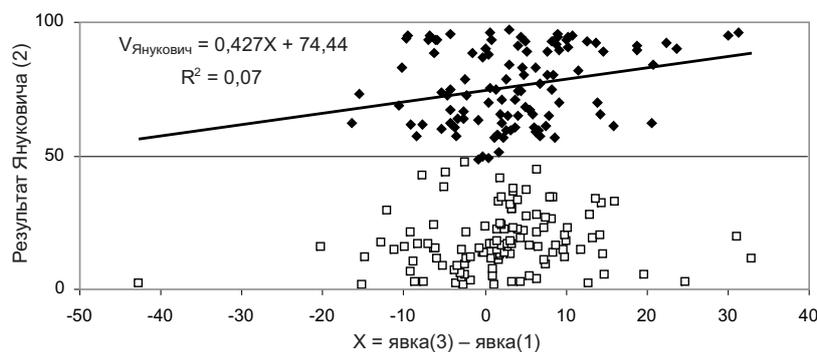

Рис. 14б. Изменение явки в 3-м туре по сравнению с 1-м туром президентских выборов, Украина, 2004, 15:00

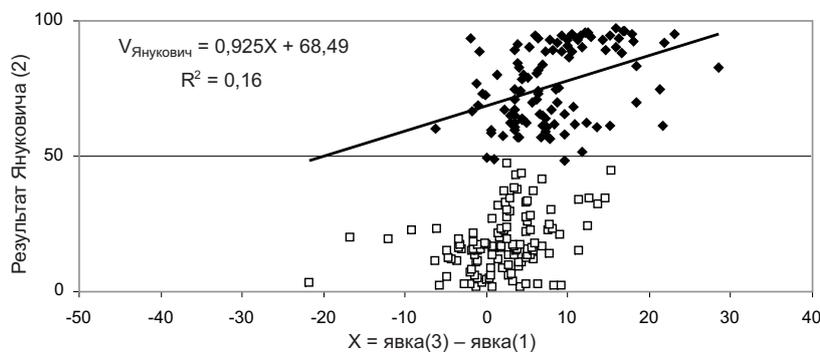

Рис. 14в. Изменение явки в 3-м туре по сравнению с 1-м туром президентских выборов, Украина, 2004, 20:00

7. Выводы

Наблюдаемая в таблице 12 симметрия третьего тура в сочетании с исчезновением прочих “особенностей” свидетельствует об относительной нормальности заключительного этапа президентских выборов в Украине. Даже если учесть самую строгую интерпретацию возмущений в распределении явки в проющенковских районах и проигнорировать вероятность того, что коэффициент миграции голосов 1,05 статистически равен 1,0, третий тур соответствует нашим ожиданиям от честных выборов — по крайней мере, от выборов, результаты которых можно признать легитимными. Поскольку это касается нашего анализа вообще, если верить суждениям западных обозревателей, третий тур служит подтверждением того, что особенности, которые мы называли следами фальсификации, действительно свидетельствуют о фальсификации результатов, как в виде явной подделки бюллетеней, так и в форме классического административного контроля по-советски. “Вздутость” распределения явки на грани двухвершинного распределения (характерного для выборов–2004 в России) в последнем туре пропадает. Изменение соотношения между V/E и T в Донецке подтверждает гипотезу о подбрасывании во втором туре более 500 000 фальшивых бюллетеней в пользу Януковича и о снижении этого показателя в третьем туре более чем наполовину. Показатели движения голосов, свидетельствующие о “наборе” тем или иным кандидатом более 115% (в России — 120%) за счет голосов из неизвестных источников, также сходят на нет.

Поскольку третий тур выборов в Украине подтверждает наши методы, можно сделать вывод, что наиболее явная фальсификация имела место при переизбрании Путина в 2004 году. Однако безотносительно к тому, будем ли мы считать Россию или Украину образца 2004 года ярким примером искажения демократического процесса, остается один решающий элемент головоломки, коль скоро мы предъявляем косвенные улики совершения преступления. Это — мотив. Что могло быть мотивом такой масштабной фальсификации выборов, какую мы фиксируем на выборах 2004 года в России и 21 ноября этого же года в Украине? Что касается России, ответ может быть следующим: Путина и его приспешников не устраивали никакие другие способы проведения выборов — ведь на честных выборах можно и проиграть. Свои мотивы есть и у местной и региональной элиты, стремившейся оказать услугу Кремлю и воспользовавшейся для этого методами, обкатанными в советское время. Впрочем, официальные итоги также могут служить мотивом: Путин явно желал победить на выборах и избежать любых “неожиданностей”, но если отнять 14,5 млн голосов от его официального результата в 49,6 млн из 68,9 млн голосов в целом, получим результат, для царя отнюдь не удовлетворительный — всего 51%. Подобный результат, пожалуй, удовлетворил бы победителя в стране с устоявшейся демократией, но никак не в России, где претворяются в жизнь планы построения “управляемой демократии”.

В Украине, где еще задолго до 31 октября второй тур считался неизбежным, мотивы должны быть другими. И здесь, вдобавок к стремлению местной элиты угодить победителю — а поскольку Кремль неприкрыто поддерживал Януковича, его победа казалась неотвратимой — мы должны рассмотреть другую возможность: Янукович просто не был достаточно привлекательной

фигурой даже для “своих” регионов. На рисунках 15а и 15б показан процент тех, кто в первом туре проголосовал против всех, и мы видим (рис. 15а), что в регионах, в которых Ющенко набрал более 38% голосов, “против всех” голосовали не больше 4% избирателей. С другой стороны, поддержка Януковича должна была превышать 57%, чтобы не более 4% голосовали “против всех”. Таким образом, если процент проголосовавших против всех в регионе, поддерживающем определенного кандидата, может служить мерой его непривлекательности, Янукович оказывается более слабой альтернативой — хотя в Донецке и Луганске очень мало людей считали приемлемой кандидатуру Ющенко, далеко не всем был мил дважды судимый кремлевский ставленник. Как показывает рисунок 15в, такая же картина сохраняется во втором туре. Даже в условиях подбрасывания бюллетеней в районах, оказавшихся на стороне Януковича, на фоне снижения его поддержки процент проголосовавших против всех в среднем увеличивается быстрее, чем в районах, где победил Ющенко. Таким образом, кроме районов, оказавших Януковичу исключительную поддержку, его популярность, если судить по склонности людей голосовать против обоих кандидатов, уступает популярности Ющенко. Мотив для фальсификации выборов прямо следует из предположения, что направленные в Украину политтехнологи прекрасно осознавали все недостатки кандидата, которому должны были служить.

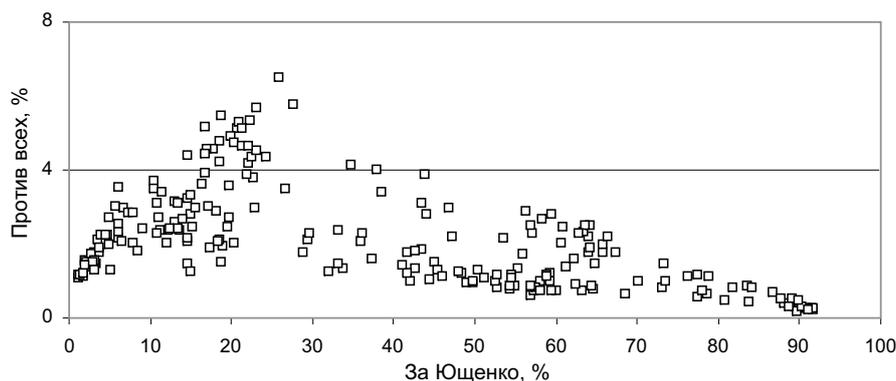

Рис. 15а. Против всех, 1-й тур, в районах, поддержавших Ющенко

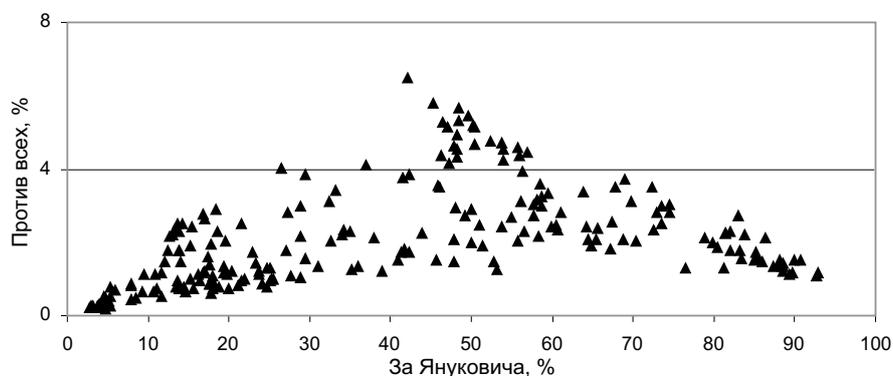

Рис. 15б. Против всех, 1-й тур, в районах, поддержавших Януковича

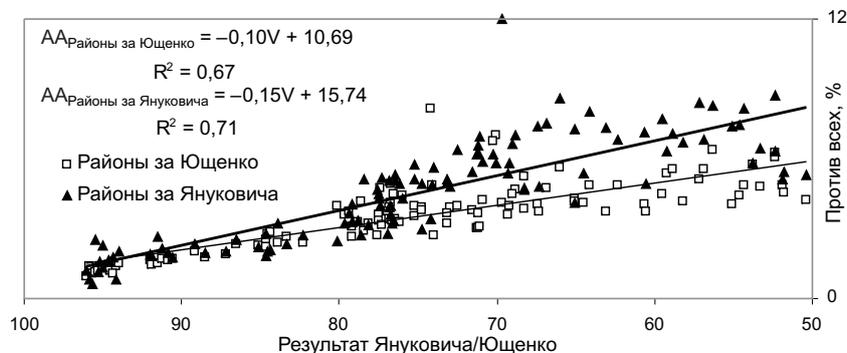

Рис. 15в. Против всех, 2-й тур

Литература

1. Berezkin A., Myagkov M., Ordeshook P.C. The Urban-Rural Divide in the Russian Electorate and the Effect of Distance from Urban Centers // Post-Soviet Geography and Economics. — 1999. — 40, 6. — P.395–406.
2. Berezkin A., Myagkov M., Ordeshook P.C. Location and Political Influence // Post-Soviet Geography and Economics. — 2003. — 44, 3. — P.169–183.
3. Chambers R.L., Steel D.G. Simple Methods for Ecological Inference in 2x2 Tables // Journal of the Royal Statistical Society. — 2001. — 164 (part 1). — P.175–192.
4. Colton T., McFaul M. Popular Choice and Managed Democracy. — Washington (DC), 2003.
5. Filippov M., Ordeshook P.C. Fraud or Fiction: Who Stole What in Russia's December 1993 Elections // Demokratizatsiya. — 1996. — 5, 1. — P.36–52.
6. Filippov M., Ordeshook P.C., Shvetsova O. Designing Federalism. — Cambridge, 2004.
7. McFaul M. Russia's Unfinished Revolution. — Ithaca (NY), 2001.
8. Moser R.G. Unexpected Outcomes. — Pittsburgh, 2001.
9. Myagkov M. The 1999 Duma Election in Russia: A Step Toward Democracy of the Elites' Game? // W.Reisinger, V.Hesly (eds.). Elections Parties and the Future of Russia. — Cambridge, 2003.
10. Myagkov M., Ordeshook P.C. The Trail of Votes in Russia's 1999 Duma and 2000 Presidential Elections // Communist and Post Communist Studies. — 2001. — 34. — P.353–370.
11. Myagkov M., Ordeshook P.C. The Trail of Votes in Ukraine's 1998, 1999 and 2002 Elections // Post-Soviet Affairs. — 2004. — 20(4).
12. Myagkov M., Ordeshook P.C., Smirnov O. The Trail of Votes in Russia's 2000–2004 Presidential Elections (working paper, Dept. of Political Science, University of Oregon, 2005).
13. Myagkov M., Ordeshook P.C., Sobyenin A. The Russian Electorate, 1991–1996 // Post Soviet Affairs. — 1997. — 13, 2. — P.134–166.
14. Myagkov M., Shakin D. The Russian Electoral Landscape, 2000–2004 (working paper, Institute for Open Economy, Moscow, 2005).
15. Ordeshook P.C. Reexamining Russia: Institutions and Incentives // Journal of Democracy. — 1995. — 6, 2. — P.46–60.
16. Ordeshook P.C. Russia's Party System: Is Russian Federalism Viable // Post Soviet Affairs. — 1996. — 12(3). — P.195–217.
17. Shvetsova O. Resolving the Problem of Pre-election Coordination // W.Reisinger, V.Hesly (eds.). Elections Parties and the Future of Russia. — Cambridge, 2003.
18. Sobyenin A., Suchovol'sky V. Elections and the Referendum December 12, 1993 in Russia: Political Results, Perspectives and Trustworthiness of the Results (unpublished report to the Administration of the President of the RF, Moscow, 1993).
19. Sobyenin A., Gelman E., Kaiunov O. The Political Climate of Russia's Regions: Voters and Deputies, 1991-3 // The Soviet and Post-Soviet Review. — 1994. — 21. — P.63–84.
20. Zaporizhia Post. — 2004. — December 14.
21. www.zerkalo-nedeli.com, #52, Saturday 25–30 December, 2004.